

ВЕСТНИК РОИИ

Информационное издание Межрегиональной общественной организации содействия
научно-исследовательской и преподавательской деятельности
«Общество интеллектуальной истории»

№ 2(6), весна-лето 2003

**Межрегиональный научно-методический семинар
(20-21 марта, 2003 г., г. Москва)
Комплекс «наука – образование»
в сравнительно-исторической перспективе**

На протяжении последних пятнадцати лет постоянным рефреном всех выступлений руководителей науки и образования является тезис о необходимости более тесного сотрудничества и координации академической науки и высшей школы. Что касается современной ситуации в исторической науке и историческом образовании, то несмотря на все усилия, предпринимаемые в этом направлении, она по-прежнему характеризуется аналитиками как «кризисная». Опыт недавнего прошлого показывает: проблемы взаимоотношений науки и образования не сводятся к структурно-организационным преобразованиям и не могут быть решены без учета исторического опыта, накопленного академической и университетской традициями в этой сфере, а также без систематизации практического опыта и решения конкретных вопросов преподавания истории в регионах.

20–21 марта 2003 г. состоялся организованный Обществом интеллектуальной истории на базе Института всеобщей истории РАН Межрегиональный научно-методический семинар «Комплекс «наука – образование» в сравнительно-исторической перспективе», который был целиком посвящен рассмотрению указанных проблем и во многом опирался на опыт проведенной РОИИ научной конференции «Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении» (Саратов, октябрь 2002 г.) и Всероссийского научно-методического совещания заведующих кафедр всеобщей истории и истории России «Проблемы методологии исследований, инновационные подходы и координация научно-образовательной деятельности в преподавании истории в высшей школе» (Москва, январь 2003 г.). Участники семинара постарались ответить на часть вопросов, возникших в ходе этих форумов, обобщить высказанные практические предложения и внести таким образом свой вклад в осмысление проблемы интеграции академической и вузовской науки, от решения которой напрямую зависят перспективы выживания и конкурентоспособности российского образования.

С докладами выступили президент РОИИ, д.и.н. Л.П. Репина, академик РАО С.О. Шмидт, зам. директора Института всеобщей истории РАН, д.и.н. М.В. Бибииков, руководитель Центра истории частной жизни и повседневности И.Н. Данилевский, д.и.н. П.Ю. Уваров и др. В семинаре приняли представители всех региональных отделений РОИИ, многие из которых выступили с сообщениями по ключевым вопросам и с информацией о работе региональных отделений, а также активно участвовали в прениях. Отраднo, что как показывают заслушанные сообщения и последующие дискуссии, региональные отделения РОИИ становятся ядром формирования междисциплинарной профессиональной среды, консолидации местного интеллектуального сообщества.

Организаторы семинара обратились к его участникам с просьбой дать свои предложения по возможной проблематике аналогичных встреч научно-методического характера. Некоторые предложения поступили уже в ходе семинара: в частности, В.Г. Рыженко (Омское отделение) предложила несколько тем для будущих семинаров-совещаний: «Локальная и региональная история: теоретико-методологические аспекты, исследовательские и образовательные практики (о возможностях синтеза международного и отечественного опыта XX – начала XXI вв.)», «Историческая наука и культурология: формы междисциплинарного взаимодействия в исследовательской и образовательной практиках», «Проблемы и перспективы интеграции академических и университетских исследований по истории в условиях перехода к новым образовательным технологиям». Мы ждем новых предложений и рассчитываем их обсудить на страницах нашего Вестника РОИИ. Надеемся также на Ваше сотрудничество в определении новых приоритетных направлений работы РОИИ, исследовательских и образовательных программ.

Тексты ряда участников семинара, подготовленные по материалам их выступлений, будут опубликованы в одиннадцатом выпуске альманаха интеллектуальной истории «Диалог со временем».

НАШИ ИЗДАНИЯ

Глубокоуважаемые коллеги!

Вышел в свет юбилейный десятый выпуск издания
«Диалог со временем.

Альманах интеллектуальной истории».
Содержание

От редколлегии: Продолжаем наш «Диалог»
Историческое знание и его функции

И.М. Савельева, А.В. Полетаев

Прагматика истории

Торстендаль, Рольф (Швеция)

Профессионализм и использование истории в политике

Рюзен, Йорн (Германия)

Может ли вчера стать лучше?: о метаморфозах прошлого в истории

С.Г. Ким (Томск)

Историческая наука Германии «после постмодерна»

История, религия и культура

А.Ю. Серегина (Москва)

История короля Ричарда II в английской религиозной полемике второй половине XVI – начале XVII в

Г.Г. Пиков (Новосибирск)

Представление об истории в Евангелиях: II. зарождение в христианской историософии (окончание)

Из истории просвещения и образования

Т.А. Шанская (Казань)

Миф просвещения и идеи частного образования в России XVIII века

С.А. Экштут (Москва)

Императорская академия художеств и «Бунт 14-ти»

О.В. Бердова (Кострома)

Городская интеллектуальная среда в Российской провинции конца XIX – начала XX века (на примере Костромы)

А.И. Аверус (Саратов)

Власть и университеты в России

Е.А. Вишленкова (Казань)

Феномен надления в «историях» Казанского университета

Из истории России XX века

С.Ю. Малышева (Казань)

Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 гг.

А.С. Туманова (Тамбов)

Гражданские свободы в представлениях высшей российской бюрократии периода Первой русской революции

История и память

М.В. Мелихов (Сыктывкар)

Памятники Куликовского цикла:

взаимодействие устной и письменной традиции.

По материалам конференции «Наука и власть...»

И.В. Ястер (Саратов)

Партийно-государственное влияние на содержание и структуру школьного исторического образования в 1920–1930 гг.

А.Н. Галямичев (Саратов)

Из истории отечественной медиэвистики: воспитанники петербургской/ленинградской школы в Саратовском университете

В.Б. Шелелева (Омск)

Новое направление в советской историографии социально-экономической истории России конца XIX – начала XX в.

С.В. Артамошин (Брянск)

Карл Хаусхофер и формирование немецкой школы геополитики

Н.В. Ростиславлева (Москва)

Типы коммуникации в исторических сообществах Германии XIX в. Гейдельбергская школа

Notulae eruditaе

М.С. Петрова (Москва)

О литературных жанрах Поздней Античности (на примере произведений Макробия)

С.В. Месяц (Москва)

Философский комментарий как жанр школьной литературы

М.Р. Ненарокова (Москва)

О миссионерстве и межъязыковой культурной коммуникации

М.М. Горелов (Москва)

Исторический факт: резня в день св. Брайса

Хроника

Т.М. Калинина, Е.А. Мельникова (Москва)

XIV чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. «Восточная Европа в Античности и средневековье»

Я.С. Драбкин

70 лет Александру Ивановичу Борозняку

О.В. Воробьева (Томск)

Учитель – в ремесле

Читая книги

М.С. Бобкова (Москва)

Памяти Александры Дмитриевны и Владимира Сергеевича Люблинских

Библиография публикаций: «Диалог со временем».

Вып. 1–10. Сост. С.А. Экштут

Сборник статей «Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени». Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2003. – 408 с.

В нашем бурно изменяющемся мире все больший общественный и научный интерес вызывают проблемы формирования и трансформации исторической памяти. Авторы настоящей книги анализируют репрезентации исторического прошлого, выступавшие в качестве важных элементов социального, политического, этнического и конфессионального сознания и самоидентификации в разные периоды Средневековья и раннего Нового времени (до середины XVII века). Под этим углом зрения, в частности, рассматриваются образы-концепции средневековой западноевропейской и древнерусской историографии и вопрос о месте и роли исторических знаний и представлений в политической культуре, в идейной полемике и общественных конфликтах. Изучение образов-событий, образов-личностей, символических образов прошлого, зафиксированных как в исторических сочинениях и мемуарах, прямо преследующих цель передачи памяти о них потомкам, так и в текстах, которые вовсе для этого не предназначались (законодательные акты, протоколы судебных разбирательств, цеховые уставы и др.), проливает новый свет на содержание, структуру и механизмы передачи исторической памяти.

Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории. Выпуск 3. – Ставрополь: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2003. – 251 с.

Третий выпуск «Альманаха» включает материалы членов РОИИ, ученых вузов Юга России, посвященные истории идей, воплощенных в обществе и науке, а также роли личности в формировании и развитии идей.

Человек и война. XX век: Проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск. 14-15 мая 2002 г. Омск. Омский государственный университет, 2002. 196 с.

Материалы сборника отражают особенности развития сравнительно нового направления отечественной историографии – военно-исторической антропологии. Организатором конференции выступил Омский государственный университет совместно с Институтом российской истории РАН, другими вузами Омска и местным отделением межрегионального общества интеллектуальной истории. В работе конференции приняли участие исследователи из 12 городов России.

Тематически материалы конференции разбиты на три блока. В рамках первого раздела, авторы, обратившись к многомерному феномену войн XX века, представили свое видение методологии военно-антропологических исследований, репрезентативной и адекватной задачам изучения проблемы «Человек и война», источниковой базы, используемого понятийного аппарата. В ряде статей затрагивается тема сохранения и трансляции исторической памяти, рассматриваемая на примере деятельности региональных поисковых отрядов и увековечения подвига советского солдата в воинских мемориалах и памятниках. Е.С. Сенявская (Москва), один из «пионеров» российской военно-исторической антропологии, оценила итоги исследований в этой сфере в российской историографии 90-х гг XX в. как качественный прорыв, ставший возможным как благодаря радикальным переменам в обществе, так и влиянию на отечественную историографию новых тенденций в мировой исторической науке.

Источниковедческие аспекты проблемы «Человек на войне» представлены в сообщениях Е.Н. Гусевой, Л.И. Огородниковой, Л.Г. Ермолиной, Г.И. Евсеевой (все – Омск), Л.А. Паутовой (Курган). Подверглась анализу информационная база антропологически ориентированных исследований, сконцентрированная главным образом в источниках личного происхождения. Весьма удачным представляется опыт интерпретации Л.А. Паутовой воспоминаний жительницы Кургана Л. Семериковой, зафиксировавших корректировку образа врага под влиянием личного опыта.

Во втором разделе сборника сгруппированы материалы, касающиеся повседневности и культуры в условиях войн. Психопатология гражданской войны в России, связанная с резкой девальвацией ценности человеческой жизни, нашла освещение в статьях В.А. Шулдякова и С.П. Звягина (Омск). Гендерный аспект повседневной культуры российской солдатки в период русско-японской войны 1904-05 гг. рассматривается в сообщении П.П. Щербинина (Тамбов). Ряд материалов (Е.И. Боле, В.Г. Рыженко, В.Ш. Назимова) дополняют традиционную область изучения психологии участника боевых действий анализом бытовой культуры, настроений беженцев и эвакуированных Первой мировой и Великой Отечественной войн.

Третий раздел посвящен проблемам пропагандистского обеспечения войн и его преломлению в массовом сознании, фигурирующим в научных изысканиях и практике вузовского преподавания. О.С. Поршнева поделилась опытом разработки и чтения специального курса «Ментальная история Первой мировой войны» на историческом факультете Нижнетагильского педуниверситета, указав на трудности, возникающие у студентов при освоении рассматриваемой проблематики. Г.А. Котвицкая (Омск) проанализировала установки российского массового сознания на восприятие Первой мировой войны, закрепившиеся в фольклоре и на страницах печати. А.Л. Посадсков (Новосибирск), изучив печатную продукцию пропагандистского аппарата белых армий в Сибири, адресованную своим военнослужащим, выявил типичные языковые, психологические и визуальные приемы информационного воздействия. Оценивая степень пропагандистского воздействия на умы колчаковских солдат и офицеров, автор дифференцированно трактует его результативность. Н.М. Игнатова (Сыктывкар), реконструировала противоречивый спектр настроений спецпереселенцев, размещенных в годы Великой Отечественной войны на территории Коми АССР.

В целом представленные методологические разработки, успешно апробированные на конкретно-историческом материале, позволяют говорить об утверждении антропологического подхода в изучении и преподавании истории военных конфликтов XX века.

В.В. Миронов, к.и.н., ст. преподаватель кафедры всеобщей истории Тамбовск. ГУ им. Г.Р. Державина

НОВОСТИ ИЗ ОТДЕЛЕНИЙ РОИИ

Волгоградское отделение РОИИ сформировалось на базе Волгоградского государственного университета, в основном, из историков философии и культурологов-философов с возглавляемой мною кафедры культурологии и истории философии. Постепенно отделение стало пополняться и профессиональными историками. Несмотря на сравнительную малочисленность, отделение работает довольно активно, сосредоточивая свои усилия не столько на проведении конференций, сколько на публикации результатов своих исследований в печати (см. «Вестник РОИИ», № 1(5), зима 2003 г., с. 23). Кроме того, члены отделения регулярно участвуют в заседаниях межфакультетского методологического семинара Волгоградского ГУ «Проблема смысла».

Насколько мне известно, историки философии и культурологи-философы представлены в РОИИ преимущественно посредством нашего отделения. Такое особое положение заставляет нас искать в РОИИ свою «нишу», и нынешний семинар хорошо это иллюстрирует. Одной из его главных тем стало критическое обсуждение «новой хронологии» академика РАН А.Т. Фоменко, его сотрудни-

ков и последователей. Блестящая и глубокая лекция академика РАО С.О. Шмидта на эту тему прояснила многие позиции, наметила направления дальнейшей работы. Вместе с тем, многие аргументы, и прежде всего, аргументы из разряда *ad hominem*, прозвучавшие в ходе дискуссии после этой лекции, явно не достигают цели.

Так, часто повторяемый тезис о том, что концепция «новой хронологии» – всего лишь «коммерческий проект» поскольку книги ее создателей издаются большими тиражами, на хорошей бумаге и в роскошных твердых переплетах, едва ли может служить достойным оружием в научной дискуссии. Во-первых, в условиях сравнительно свободной книгоиздательской политики никто не мешает противникам «новой хронологии» создавать столь же привлекательные для издателей сочинения. Во-вторых, очевидно: если бы книги А.Т. Фоменко, его сотрудников и последователей издавались в мягких переплетах и на газетной бумаге, всегда нашлись бы критики, обвиняющие этих людей в маргинальности, в неспособности заинтересовать своей продукцией «серьезных издателей».

Точно так же, не срабатывают и похожие на отчаянные заклинания суждения о том, что концепция А.Т. Фоменко – это «массовая культура», что «все это пройдет», что «серьезным историкам» не стоит на эту концепцию «обращать внимание». Разумеется, совсем неуместны и попытки критиковать «новую хронологию» путем выискивания ошибок А.Т. Фоменко в его узкой профессиональной области – математике, тем самым прозрачно намекая на его общую научную некомпетентность. Ведь если вторжение А.Т. Фоменко в область исторического знания квалифицируется историками как нечто «непрофессиональное», то и попытки историков оценивать достоверность научных результатов математиков должны оцениваться точно так же. Кроме того, если даже забыть об этом аргументе, то можно, с другой стороны, напомнить, что даже у А. Эйнштейна были ошибочные статьи, но его за это отнюдь не лишили докторской степени, а сам факт обнаружения ошибок ничуть не поколебал его весьма высокого научного авторитета.

Я даже усилию свои тезисы и скажу, перефразируя Вольтера: «Если бы А.Т. Фоменко не было, то его следовало бы выдумать». Дело в том, что концепция «новой хронологии» фиксирует существенные изменения самой *методологии* традиционного исторического дискурса. Беспокоя и даже возмущая историческую науку, «новая хронология» оттеняет слабые места и недоработки этой методологии. При всей своей спорности она все же выявляет некоторые «склейки» и «заплаты» существующей модели всемирной истории, тем самым стимулируя развитие исторической науки.

Но еще важнее другое: «новая хронология» подчеркивает неразрывную связь истории с идеологией и политикой. Априори ясно, что в прошлом могли быть ситуации, когда в *историческом описании сохранялось не то, что было, а то, что удалось (или было позволено) зарегистрировать*. В этом отношении история оказывается весьма тесно связанной с властью (прежде всего, в ее предельно абстрактном, философском понимании). Между тем, в последнее время обсуждение идеологических и политических аспектов исторического знания как-то отошло на второй план.

Думается, однако, что эта тема не должна исчезать из повестки дня, особенно в наше время – время глобалистских проектов. Здесь я и вижу «нишу» для историков философии и культурологов-философов. История как предмет диалога культур, история и власть, история и идеология, историческое знание в условиях грядущей глобализации – вот перепные точки исследовательского поля философа, вступающего в обширную область интеллектуальной истории.

А.И. Пигалев, доктор философских наук, проф., председатель Волгоградского отделения РОИИ

Ставропольское Отделение РОИИ

Мероприятия Ставропольского регионального отделения РОИИ в 2003 г.:

1. Под грифом СРО РОИИ опубликована монография А.Н. Птицына «Концепция «славянской цивилизации» Н.Я. Данилевского». Ставрополь, 2003.

2. Издан третий выпуск «Ставропольского альманаха Общества интеллектуальной истории». – Ставрополь, 2003. Тираж 150 экз.

3. Проведено 7 «Методологических вторников».

4. 26 апреля проведен Всероссийский научно-практический семинар «Роль учебной литературы в формировании интеллектуально-идеологического пространства социума» (24 участника из Москвы, Сыктывкара, Ростова-на-Дону, Карачаевска, Ставрополя, Пятигорска). Материалы семинара опубликованы.

5. СРО РОИИ участвует в подготовке всероссийской научной интернет-конференции «Новая локальная история: методы, источники, универсальная и провинциальная историография». Материалы опубликованы.

6. В ноябре-декабре планируется публикация материалов «Методологических вторников», которые будут постоянно работать и во втором полугодии.

7. В декабре СРО РОИИ совместно с научно-образовательным центром «Новая локальная история» и Пятигорским государственным лингвистическим университетом планирует издать второй выпуск научно-теоретического альманаха «Запад – Россия – Кавказ».

8. В течение года в рамках интеллектуальной истории под руководством членов СРО РОИИ будет подготовлено несколько дипломных, магистерских и, возможно, кандидатских (по крайней мере сейчас идет работа над ними) исследований.

9. В конце года, если позволят обстоятельства, будут подготовлены одна-две программы для учебных курсов исторического факультета Ставропольского государственного университета в рамках предметного поля интеллектуальной истории.

И.В.Крючков (Ставропольское Отделение РОИИ)

Ставропольское региональное отделение РОИИ, Научно-образовательный центр «Новая локальная история», Пятигорский государственный лингвистический университет готовят к изданию второй выпуск научно-теоретического альманаха «Запад – Россия – Кавказ». Альманах включает четыре раздела:

1. Проблемы всеобщей истории.
2. Проблемы истории России.
3. Теория, методы, источники и историография.

Материалы принимаются до 31 октября 2003 г. объемом до 1 п.л. (электронная версия обязательна) по адресу: 355004, г. Ставрополь, ул. Мира, 262; или по электронным адресам igory5@yandex.ru, sfpqglu@mail.ru

Требования к оформлению:

Поля: верхнее – 2 см, правое – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 3 см.

Шрифт: Times New Roman, 14 кегль.

Отступ первой строки абзаца – 1,5 см.

Межстрочный интервал – 1,5.

В верхнем правом углу – фамилия и инициалы автора, название института, города шрифтом Times New Roman, 14 кегль, без какого-либо выделения.

Через строку – название статьи шрифтом Times New Roman, 14 кегль, без какого-либо выделения.

Сноски: в конце текста – библиографический список. По тексту – в виде: Автор не согласен со своим соотечественником (1).

Пример оформления сносок:

1) Петров А.А. Полное собрание сочинений. Т.3 Ч.2 – М., 1992. С. 12.

2) Титоне Р. Некоторые эпистемологические проблемы психолингвистики // Психолингвистика / Ред. А.М. Шахнарович. – М.: Прогресс, 1984. С. 336-352.

3) Кривенко Е.Л. К понятию «семантическое поле» и методам его изучения // Философские науки. 1973. № 1. С. 99-103.

Сыктывкарское Отделение РОИИ

Сыктывкарским отделением РОИИ продолжает реализовываться на базе исторического факультета СыктГУ образовательный проект, финансируемый совместно ИОО (Фонд Сороса) и ректоратом СыктГУ «Гендерная теория и историческое знание: гендер как метод изучения и репрезентации прошлого».

30 ноября 2002 г. в рамках проекта состоялся первый научный семинар «Гендерная проблематика в американской, скандинавской и российской этнологии и

фольклористике», в котором приняли участие преподаватели и студенты СыктГУ, КГПИ, Гимназии искусств, Национального музея РК, работники Министерства национальностей РК. Семинар открылся показом этнографического видеофильма «Параскева пятница» («Коми гор», 1995) о проведении традиционного «женского праздника» у современных удорских коми. Вслед за этим В.Э. Шарапов, н.с. отдела этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, прочитал лекцию о разработке теории гендера в американской антропологии в 1970-80-х гг. (М. Мид, Дж. Скотт). В частности, автор рассмотрел некоторые положения теории социального конструктивизма (Т. Парсонс, Э. Гоффман, С. Лорбер, С. Фаррел, К. Уэст, Д. Зиммерман, Дж. Батлер и символической концепции гендера (М. Фуко, Л. Иригари, Ю. Кристева). При рассмотрении скандинавской школы гендера основное внимание было уделено исследованиям современных шведских этнологов и финских фольклористов. Были отмечены изыскания финских фольклористов в области методологии гендерных исследований, междисциплинарный подход в изучении структурных моделей женской повествовательной традиции (Ю. Пентикайнен, С. Апо, А.-Л. Сиикала, Л. Старк). В форме библиографического обзора автор представил историю изучения гендерной проблематики в российской фольклористике и этнографии 1990-х гг. В заключении лекции были обозначены некоторые вопросы изучения гендерных моделей на материале традиционной культуры коми. Лекция завершилась дискуссией под руководством проф. В.А. Семенова, в рамках которой поднимались вопросы перспектив гендерных подходов в этнологии и фольклористике, правомерности утверждений о доминировании «маскулинности» или «феминности» в той или иной этнической традиции.

27 декабря 2002 г. состоялся второй научный семинар на тему: «Оппозиция мужское/женское в контексте развития российской культуры XX века». Семинар провел доцент кафедры культурологии Коми ГПИ А.Ю. Котылев. На семинаре была поставлена проблема своеобразия взаимодействия полов в культуре различных периодов истории России прошлого столетия. Опираясь на обширный фактологический материал документов и художественных произведений, автор показал, что оппозиция мужское/женское была актуальна, прежде всего, в переходные периоды истории культуры, когда происходила смена социокультурных систем и связанных с ними стереотипов мышления и поведения. В рамках основной темы были затронуты более частные вопросы: философия пола, женская эмансипация, доминирующие образы мужчины и женщины, эротизация культуры и др. В ходе последовательного рассмотрения развития культуры XX века автор пришел к выводу, что оно было ориентировано на разрушение половозрастных ролей традиционной культуры и, более того, на стирание культурных отличий в жизни представителей различных полов. Различные периоды истории при этом характеризуются преимущественной ориентацией на культурный код одного из полов: в культуре Серебряного века доминирует женское начало; в послереволюционной — мужская система стереотипов, которая закрепляется как главенствующая до 50-х годов, но с 60-х постепенно сдает свои позиции, так, что к концу века женская ориентация культуры вновь становится актуальной. После доклада автору был задан ряд вопросов и состоялось обсуждение доклада.

28 февраля 2003 г. состоялся семинар «Гендерное измерение бедности в постсоветской России», проведенный ведущим научным сотрудником Института социально-экономических и энергетических проблем Севера КНЦ УрО РАН, к.с.н. С.С. Ярошенко. Автор отметила, что в 90-е годы происходит трансформация советского гендерного порядка и гендер превращается в важный фактор воспроизводства социального неравенства и бедности. Социологический анализ данных проблем становится более продуктивным, когда гендер и бедность представляются разными формами лишения. В этом случае бедность может быть понята как условие, переживаемое и формируемое субъектами с разным гендером. Таким образом, гендерная идентичность наряду с другими образует ограничения и возможности для доступа к мате-

риальным и дискурсивным ресурсам (Jencks & Palmer-Jones R., 2000: 145). В этом свете феминизации бедности (преобладание женщин среди нуждающихся) – о чем свидетельствуют отчеты Мирового Банка по России – только часть проявлений взаимодействия гендера и бедности. Согласно официальной статистике среди населения с доходами ниже прожиточного минимума в России не наблюдается серьезного гендерного различия: в 1999 г. среди женщин от 31 до 54 лет бедными были около 34%, среди мужчин того же возраста – 27% (Госкомстат России, 2002: 191). Однако около 90% заявивших о своей нужде в РК в 1999 году – женщины. Более того семьи, возглавляемые женщинами, составляют около 70% всех семей официальных бедных в РК. Преобладание женщин среди просителей и получателей государственной поддержки – общий феномен периода капитализации и создания национальных рынков труда, а также выработки принципов государственного вмешательства, согласно которым женщина неполноценный работник и приравнивалась к инвалидам, достойным призерия. Повседневное воспроизводство гендера происходит также в системе разделения труда и распределения обязанностей в семье, специфичных для нашей страны. И здесь проявляется другая сторона гендерной трансформации 90-х годов: феминизация женского выживания, большая экономическая активность женщин, поляризация мужчин на полюсах социальной шкалы исключенных и состоятельных. Несмотря на пропаганду возврата женщины в семью, высоким остается уровень занятости женщин. По данным Госкомстата РК в 1999 г. в Республике 52% женщин было занято, тогда как в 1990 г. таковых было 48% (Женщины и мужчины РК, 2000: 43-46). Во многом это обусловлено сохранением значимости доходов обоих партнеров для обеспечения семьи. Как и в советское время сохраняется второсортный статус женщин в рабочей силе. Официальная статистика демонстрирует сферы преимущественной женской занятости: торговля, образование, культура, связь и кредитование, - отрасли с более низкой, по сравнению с остальными, средней заработной платой. Там, где оплата труда выше, там женщины получают гораздо меньше мужчин (Женщины и мужчины РК, 1988). Мужчины же продолжают сохранять долевое преимущество в материальном производстве и активно осваивают строительство, торговлю, финансы и управление. В то же время спад производства, скрытая безработица и инфляция, обесценившая доходы россиян, спровоцировали стремительную нисходящую мобильность ранее состоятельных слоев населения. Центр деловой активности в семьях новых бедных смещается с производства в сферу домашней экономики и сетевых отношений, что скорее создает преимущества женской, а не мужской позиции. Мужчины, в отличие от женщин ограничены в использовании семейного ресурса для компенсации утрат в сфере оплачиваемой занятости. Продолжительная несостоятельность в роли кормильца ведет к их исключению из семьи и к еще большему снижению социального статуса. В свою очередь домашняя экономика лишь позволяет женщинам поддерживать материальный уровень, и не становится эпицентром преодоления бедности.

25 марта 2003 г. прошел очередной семинар на тему «Женщины дома Габсбургов в истории и культуре XIV-XVII вв.». Вела семинар доцент кафедры истории древнего мира и средних веков В.И. Гончарова. Семинар был построен как вариант исследования истории через биографии наиболее выдающихся женщин династии. В качестве примера для исследования традиционных составляющих темы женского бытия («Брак», «Семья», «Любовь», «Воспитание детей») были взяты биографии двух незаурядных женщин раннего периода истории Габсбургов – Елизаветы Горицкой (фон Гёрц-Тироль) и Иоганны фон Пфирт. Однако было отмечено, что для гендерной проблематики эти довольно традиционные (а иногда и оригинальные) биографии супруг средневековых монархов оказываются явлениями второго плана. Поскольку при рассмотрении истории с гендерной точки зрения предполагалось уделить внимание в первую очередь дисплею власти, то значительная часть основного выступления была посвящена женщинам (супругам,

дочерям и сестрам Габсбургов-мужчин), которые в большей или меньшей степени участвовали в политической жизни своего времени. Так или иначе, практически все женщины этой династии были задействованы в сложных переговорных процессах, участвовали в дипломатических миссиях, становились правительницами на время отсутствия супруга или малолетства законного наследника. Факты биографий и обстоятельства жизни многих из них стали частью габсбургской легенды, активно создаваемой в годы правления Фридриха III и Максимилиана I. Для подтверждения основного тезиса в докладе был проведен анализ биографий правительниц Нидерландов (представительниц габсбургской династии) с 1506 по 1633 год.

Очередной семинар («Гендерная визуализация отношений кинотекста и аудитории») состоялся 28 апреля 2003 г. Провела семинар доцент кафедры истории зарубежных стран в новое и новейшее время Л.М. Макарова. Доминанта семинара – представление о фильме как «параллельной истории» или метаистории, поскольку фильм, и не только исторические, через интерпретацию прошлого кодируют мифологию современного общества. В рамках семинара обсуждались такие вопросы как женский и мужской образы в современной мелодраме; особенности репрезентации «супергероя»; роль кинозвезд в распространении идеала женской красоты.

Почерпнуть необходимую информацию о ходе реализации проекта можно на интернет-странице (www.komi.com/gender) проекта. Приглашаем всех заинтересованных лиц присылать статьи по историческому гендеру для размещения на сайте в разделе «Публикации» (kidmsv@ssu.komi.com; aapavlov@rambler.ru).

А.А. Павлов, заместитель Председателя Сыктывкарского Отделения РОИИ

ХРОНИКА

Конференция профессиональных ассоциаций в области общественных наук

В апреле 2003 г. в Москве состоялась конференция профессиональных ассоциаций в области общественных наук «Профессиональные ассоциации в России и оптимизация условий научной и преподавательской деятельности». Она явилась частью проекта «Сотрудничество профессиональных ассоциаций в области общественных наук», инициированного Центром развития политической науки и конституционного права при поддержке Института «Открытое общество» и Института Научной информации по общественным наукам.

Среди участников конференции были представители руководства и в ряде случаев рядовые члены профессиональных ассоциаций как крупных и уже давно существующих, таких как Российское философское общество, Российское общество социологов, Российская ассоциация политической науки, так и недавно созданных. Большинство этих организаций имеет всероссийский или межрегиональный статус. Наряду с ними, в конференции участвовали и некоторые региональные организации.

На конференции обсуждались следующие вопросы:

- развитие инфраструктуры профессионального сотрудничества и междисциплинарного взаимодействия;
- внедрение в исследовательский и образовательный процесс профессиональных стандартов; экспертная оценка научной и учебно-методической продукции;
- управление и финансирование науки; обмен опытом функционирования ассоциаций;
- научное информирование и внедрение инноваций в образовательный и исследовательский процесс;
- сотрудничество ассоциаций в области повышения профессиональной квалификации исследователей и преподавателей;
- проблема смены поколений и интеграция молодых исследователей и преподавателей в деятельность профессиональных сообществ.

Работа конференции проходила в трех формах: презентации ассоциаций, инициатив и проектов в области общественных наук, встречи рабочих групп и заключительное пленарное заседание.

Первый день конференции был посвящен презентации ассоциаций и представлению инициатив и проектов в

области общественных наук и образования. Участники имели возможность получить информацию об опыте и специфике деятельности коллег, узнать о проблемах и достижениях в развитии отдельных профессиональных ассоциаций, реализуемых ими программах и проектах. Знакомство лидеров профессиональных ассоциаций политологов, историков, социологов, философов, криминологов и др. с опытом работы друг друга представляло существенный интерес для развития горизонтальных связей между профессиональными ассоциациями. Большое внимание вызвали презентации проектов и иных инициатив в области общественных наук, где были представлены программы, реализуемые различными организациями (не только ассоциациями) и имеющие, в первую очередь, междисциплинарный характер. В числе таких проектов следует упомянуть проект РГНФ «Электронная библиотека» (ELIBRARY), «Университетская информационная система РОССИЯ», Международная программа стипендий Института международного образования и ряд других.

С точки зрения осознания самих себя не только как исследователей, но и как участников процесса демократического преобразования, активных игроков на общественном поле, наибольшее значение имела вторая часть конференции, которая проходила в подмосковном санатории «Виктория». Здесь также продолжались презентации ассоциаций, однако основное место заняли встречи рабочих групп, которые проходили по следующим темам:

1. Внедрение профессиональных стандартов и экспертная роль ассоциаций
2. Организационное развитие и региональная инфраструктура ассоциаций
3. Информационное обеспечение научного сотрудничества
4. Роль профессиональных ассоциаций в развитии образования в России
5. Профессиональные ассоциации как субъекты гражданского общества
6. Интеграция молодых исследователей и преподавателей в деятельность ассоциаций.

Формат заседаний рабочих групп включал в себя одно-три сообщения и общую дискуссию, имеющую цель выработать единую позицию участников по теме рабочей группы.

В первой рабочей группе (ведущий – д.филос. н., проф., президент РОС Мансуров В.А.) обсуждались проблемы внедрения профессиональных стандартов и экспертная роль ассоциаций в области общественных наук. Основное сообщение сделал профессор Казанского технологического университета, директор Центра аналитических исследований и разработок А.Л. Салагаев. Он четко сформулировал основную проблему. С одной стороны, отсутствие соблюдаемых большинством членов научных корпораций моральных и этических стандартов приводит к недоверию к самой профессии, непрофессионализму и падению авторитета научного сообщества. Например, использование результатов непрофессионально проведенных социологических опросов в избирательных кампаниях, зачастую в качестве инструмента манипуляции общественным мнением, подрывает авторитет профессионального сообщества. С другой стороны, многие «полит-технологи», манипулирующие человеческим сознанием, представители органов власти и бизнес-структур часто хотят конституировать свое положение в научной среде, в том числе и путем защиты кандидатских и докторских диссертаций. Результатом этих усилий является общий низкий уровень кандидатских и докторских диссертаций в стране. Многие члены специализированных советов являются одновременно и членами профессиональных ассоциаций. Однако до сих пор тема их ответственности за соблюдение этических и профессиональных стандартов в рамках профессиональных ассоциаций пока не ставилась. Еще одной проблемой является низкий уровень профессиональной компетенции многих преподавателей общественных наук вузов, в первую очередь региональных, что отрицательно сказывается на процессе профессиональной подготовки специалистов в определенной области. На заседании рабочей группы было высказано мнение, что обсуждение этих вопросов в рамках этой площадки станет, возможно, одним из шагов на пути формирования корпоративных стандартов. Участники сформулировали

ряд предложений, одобренных на пленарном заседании в качестве перспективных целей сотрудничества между профессиональными ассоциациями.

Тема формирования корпоративных стандартов (ведущая – д.филос. н., в.н.с. ИНИОН РАН О.Ю. Малинова) получила развитие во время заседания четвертой рабочей группы. Сообщение А.Ю. Сунгурова (президента СПб Центра «Стратегия», представителя Петербургского союза ученых) о возможной роли профессиональных ассоциаций в развитии гражданского образования в России было удачно развито и дополнено вторым сообщением – «Обучение сотрудников неправительственных организаций». Его сделал известный исследователь третьего сектора В.Н. Якимец, недавно успешно защитивший докторскую диссертацию по социологии. В процессе дискуссии была поднята проблема отсутствия всякого влияния профессиональных ассоциаций на процесс одобрения Минобрнауки учебных пособий по общественным наукам. Так, в частности, президент Международной ассоциации конфликтологов, профессор Е.И. Степанов, рассказал, что на его вопрос о том, каким образом формируется состав экспертов Министерства образования, на основании рекомендаций которых некоторые непрофессиональные пособия по конфликтологии получают рекомендацию этого ведомства, получил ответ: «Это наше внутреннее дело». Выводы этой рабочей группы также нашли одобрение участников на пленарном заседании в качестве перспективных задач развития сотрудничества между ассоциациями.

Об отсутствии каналов влияния регионального подразделения Российской ассоциации политической науки на формирование региональной научной политики сделал сообщение на пятой рабочей группе (ведущий – А.Ю. Сунгуров) председатель Новгородского отделения РАПН К.Ф. Завершинский. Далее обсуждались возможности и допустимость влияния профессиональных ассоциаций на различные аспекты политики как на региональном, так и на федеральном уровне. Общим выводом стало заключение, что профессиональные ассоциации должны избегать участия в политике как процессе борьбы за власть (Politics). Однако для них как реальных структур гражданского общества вполне допустимо и даже желательно влияние на политический курс, политику в смысле «Policy», в частности на такие аспекты, как политика в области образования, науки и ряд других общественно значимых вопросов. Участники обсуждения пришли также к выводу, что оптимальной формой выражения гражданской позиции членов профессиональных ассоциаций в рамках этих организаций явилось бы отстаивание и утверждение профессиональных корпоративных стандартов. Площадкой же влияния членов ассоциаций на иные сферы жизни общества, формирование научной политики, развитие демократии участия могли бы стать, например, круглые столы профессиональных ассоциаций, действующие как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Вторая и третья рабочие группы занимались вопросам развития инфраструктуры профессионального сотрудничества. На заседании второй группы (ведущий – к.и.н., зав. центром Института сравнительной политологии, председатель правления РАПН С.В. Патрушев) были заслушаны сообщения о развитии организационной и региональной инфраструктуры некоторых ассоциаций. В ходе дискуссии было отмечено отсутствие единой модели членства в ассоциациях (индивидуальное и/или региональное). Преимущества той или иной модели зависят от конкретных условий и задач организации. В том случае, если ассоциация состоит из региональных объединений, то центральным управленческим структурам отводятся координирующие функции. При анализе вопросов развития инфраструктуры профессионального сотрудничества следует различать профессиональные сообщества с некоторыми гражданскими функциями (каковыми и должны быть профессиональные научные ассоциации) и гражданские ассоциации, основной целью которых не является содействие развитию научного сообщества. Различие целей этих организаций предполагает во многом различное решение проблем развития инфраструктуры.

В ходе заседания третьей рабочей группы (ведущий – к.т.н., с.н.с. ИНИОН РАН А.Н. Кулик) обсуждались вопросы

информационного обеспечения деятельности профессионального сообщества и сотрудничества между ассоциациями. Основное сообщение сделал к.ф.н., зав. отделом ИНИОН РАН В.И. Герасимовым, который проанализировал возможности ИНИОН в процессе информационного обеспечения этой деятельности. В выступлении подчеркивалось, что ИНИОН имеет разнообразные возможности и большой опыт подобной деятельности, что позволяет рассматривать его как оптимальную площадку для информационного сотрудничества между ассоциациями. В дискуссии подчеркивалось необходимость создания виртуальной информационной площадки и издания периодического информационного бюллетеня ассоциаций.

Шестая рабочая группа (ведущий – к.т.н., в.н.с. ИСА РАН В.Н. Якимец) была посвящена проблеме преемственности поколений и интеграции исследователей и преподавателей в деятельность профессиональных ассоциаций. Было заслушано сообщение А.В. Серикова о деятельности Студенческого информационно-аналитического центра (Ростов-на-Дону) и его роли в процессе смены поколений исследователей и преподавателей. Большинство участников отмечало, что профессиональные ассоциации – организации сложившихся специалистов, однако должны существовать определенные формы, позволяющие интегрировать молодых исследователей, начиная со студенческой скамьи, в это сообщество. В ходе обсуждения высказывались различные точки зрения о формах такой интеграции: это и прямое членство в ассоциациях, и существование молодежной секции, и конкурсы среди молодых исследователей, и формирование специальных молодежных организаций, призванных решать специфические задачи, свойственные только для определенной возрастной группы. При этом, однако, должны соблюдаться общие принципы: активное сотрудничество молодежных структур с профессиональными ассоциациями и помощь профессиональных ассоциаций молодежным организациям или подразделениям.

На пленарном заседании были подведены итоги конференции и сформулированы общие выводы, которые могли бы рассматриваться профессиональными ассоциациями как задачи дальнейшего сотрудничества:

1. Оргкомитет конференции, ассоциации обязуются оповестить научное сообщество – в первую очередь членов ассоциаций – о произошедшей конференции, ее решениях и задачах на перспективу.

2. Необходимо создать площадку для обмена мнениями. В качестве такой площадки будет выступать постоянно действующий круглый стол профессиональных ассоциаций.

3. Для обеспечения информационного обмена между представителями ассоциаций необходимо создать виртуальную информационную площадку. В качестве таковой мог бы быть сформирован сайт профессиональных ассоциаций на сайте ИНИОН РАН. Активнее использовать информационные ресурсы ИНИОНа для сотрудничества между ассоциациями.

4. Целесообразно наладить выпуск электронного информационного бюллетеня – «Вестника профессиональных ассоциаций в области общественных наук и образования», который мог бы решать задачи оперативного информационного обмена между ассоциациями.

5. Необходимо усилить влияние ассоциаций на процесс внедрения профессиональных стандартов в научную, образовательную и практическую деятельность: - издать профессиональные кодексы различных ассоциаций; инициировать дискуссию на страницах научных журналов и иных изданий на тему профессиональных стандартов.

-обеспечить вхождение в УМО представителей профессиональных ассоциаций;

-обеспечить участие представителей ассоциаций в ВАКе как выразителей интересов и защитников высоких профессиональных стандартов профессионального сообщества.

6. Развивать экспертную роль ассоциаций:

-продумать механизмы влияния ассоциаций на государственную аттестацию вузов;

-признать положительным опыт некоторых ассоциаций, выполняющих экспертную оценку деятельности отдельных организаций по их запросам;

-инициировать дискуссию об общественной экспертной оценке ассоциациями вузов и других организаций.

7. Отметить необходимость более активной поддержки профессиональными ассоциациями инициатив молодых исследователей по самоорганизации; в частности подержать инициативу проведения круглого стола представителей молодежных организаций в области отдельных общественных наук и молодежных отделений профессиональных ассоциаций с активным участием самих этих ассоциаций.

Для решения задач постоянной координации сотрудничества между ассоциациями и обеспечения работы инфраструктуры такого сотрудничества на пленарном заседании была сформирована рабочая группа по сотрудничеству между ассоциациями.

В заключение работы конференции состоялось заседание координационной группы, где обсуждались перспективы сотрудничества между ассоциациями на будущее. Было намечено три задачи сотрудничества на ближайшую перспективу:

1. Создание информационной площадки и выпуск пробного номера информационного бюллетеня;

2. Организация общественных слушаний в Государственной Думе по проблемам профессиональных стандартов в научной, образовательной и практической деятельности.

3. Проведение первого заседания постоянно действующего круглого стола ассоциаций, посвященного вопросам профессиональных стандартов и экспертизы.

Хочется надеется, что проведение подобного мероприятия откроет новую страничку в развитии профессионального сотрудничества и будет способствовать интеграции научного сообщества и повышению его авторитета не только в рамках отдельных наук и организаций, но в России в целом.

Е. Мелешкина, А. Сунгуров, ИНИОН РАН

15–17 апреля 2003 г. в Институте всеобщей истории РАН (Москва) прошли традиционные XV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто (1918–1983 гг.) «Восточная Европа в Древности и Средневековье». Тема этого года – «Автор и его текст». В Чтениях приняли участие специалисты из научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Иваново, Воронежа и Киева. В рамках Чтений 17 апреля состоялась торжественная церемония вручения диплома почетного доктора РАН академику НАН Украины П.П.Толочко.

Источникам по истории Античности и Раннего Средневековья были посвящены доклады А.В. Подосинова («Авторское начало в античных географических произведениях»); Е.В. Илюшечкиной («О двух акростихах в географической поэме Дионисия Перизгета»); Д.А. Щеглова («Таблица климатов Гиппарха в изложении Страбона»); Н.А. Ганиной («К интерпретации сообщений Иордана об Эрманирихе»); И.Е. Ермоловой («Исторические принципы Аммиана Марцеллина и их практическое воплощение в тексте “Деяний”»); И.Е. Сурикова «Авторское начало в лирике Солона».

Византиноведческая проблематика была представлена в докладах Г.Г. Литаврина («Проблема авторства трактата “Об управлении империей” в новейшей литературе»); А.В. Назаренко («Константин Багрянородный и его “Внешняя Россия”»); И.С. Чичурова («Автор и его текст: компиляция в византийской историографической традиции»); В.А. Арутюновой-Фиданян («Греческий язык армянских оригиналов»).

Древняя Русь занимала центральное место в докладах П.П. Толочко («Летопись Владимира Васильевича и ее автор»); В.Я. Петрухина («Никон и Тмуторокань: к проблемам реконструкции начального летописания»); Т.В. Гимона («Атрибуция и локализация летописных текстов при помощи формального анализа тематики [Англия и Русь]»); Н.И. Милютенко («“Речь философа” в Повести временных лет и “Чтение о Борисе и Глебе” Нестора»); Д.А. Добровольского («Ранние летописцы и их источники: к постановке проблемы»); Т.Л. Вилкул («“И седе... Киеве” [к характеристике одного из источников Новгородской первой летописи старшей редакции]»); И.Г. Добродомова («О взятии города копьем»); А.А. Молчанова («Семейный именовослов в автобиографии Владимира Мономаха [к вопросу о путях усвое-

ния князьями Рюриковичами христианских имен]); А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского («Летописные рассказы о Рогнеде-Гориславе»); А.С. Щавелева («Славянские легенды о происхождении первых правителей [Повесть временных лет, Хроника Галла Анонима, Хроника Козьмы Пражского]»); М.Б. Свердловла («Ярослав Мудрый и титорская фреска Софии Киевской как текст и метатекст»); Т.В. Рождественской («Роль автра в настенной храмовой эпиграфике Древней Руси»); Ю.А. Артамонова («К вопросу о времени составления первой редакции Повести временных лет»); П.В. Лукина («Киевляне и борьба между сыновьями Владимира Святославича в текстах русских источников и «Хроники Титмара Мерзебургского»); Н.Ф. Котляра («Идейно-политическая концепция Галицко-Волынского свода»); А.М.Рохлиной («Принципы организации смыслового пространства в «Молении» Даниила Заточника»); А.А.Гиппиуса («Тезисы к текстологии сочинений Владимира Мономаха»); В.Ю.Франчук («Тексты игумена Поликарпа в Киевской летописи XII в.»); Е.А.Мельниковой («Устная историческая традиция в раннем историописании: Повесть временных лет и Сага об Инглингах Снорри Стурлусона»).

Московской и Литовской Руси были посвящены доклады С.М. Каштанова («Проблема достоверности авторства исторического источника»); А.А. Горского («Пахомий Серб и Московское летописание»); А.С. Усачева («Неповиновение Ярослава Владимировича Святославичу: авторское осмысление летописного сюжета в Степенной книге»); Г.Г. Ананьина («К вопросу о происхождении легендарных сведений белорусско-литовского летописания о ранней генеалогии литовских князей»); А.Е. Петрова («Особенности отражения автором «Сказания о Мамаевом побоище» богослужебной практики рубежа XV – XVI вв.: К вопросу о «церковной риторике» средневекового памятника»); Е.Р. Сквайрс («Неизвестное издание Бартоломея Готана и древнерусский перевод «Двоесловия живота и смерти» конца XV в.»).

Западная медиевистика была представлена докладами А.И. Суркова («Ассер и его «Жизнь Альфреда Великого»»); З.Ю. Метлицкой («Погодная статья 1066 г. рукописи «D» Англо-Саксонской хроники: голос автора»); С.Г. Мереминского («Традиции средневековой риторической историографии в «Истории англвов» Генриха Хантингтонского»); В.И. Матузовой (««Книга отцов церкви» – памятник литературы Немецкого ордена: автор как член корпорации»); Н.Ю. Гвоздецкой («Крещение Норвегии в изображении «Круга земного»: нарративно-семиотический аспект»); Г.В. Глазыриной («Сказитель в Исландии»); Ф.Б. Успенского («Манифестация авторства в «Книге об исландцах» священника Ари Торгильссона»); Т.Н. Джаксон («К вопросу о культурной адаптации иноязычного текста в древнеисландской литературе»); Е.В. Шейкина («Происхождение и датировка готландских рельефов группы «А»»); Е.П. Картамышевой (««У дверей мертвых»: к реконструкции культовой практики»); Е.В. Литовских («Генеалогические перечни как саговый литературный прием: по материалам «Саги о Ньяле»»); В.В. Рыбакова («Адам Бременский как этимолог»); Н.А. Бондарко («Проблемы авторства и стабильности текста в южнонемецкой духовной прозе XIII в.»); М.К. Юрасова («Географические представления венгерского анонима»).

Проблемам востоковедения были посвящены доклады А.Г. Юрченко («Чудеса Азии в восприятии европейцев XIII в.»); Д.Е. Мишина («Кто написал трактат ал-Джайхани?»); Т.М. Калининой («Метод работы средневековых арабских географов (на примере известий о реках Аральского бассейна»); И.Г. Коноваловой («Азовское море в арабской географии XII–XIV вв.»); Ф.Х. Гутнова («Сюжет об аланах в «Житии Воскянов»»); Д.Ю. Арапова (««Мир истории» Шихаб ад-Дина Мухаммада ан-Насави [XIII в.]»); А.К. Аликберова («Компиляция и авторская новация в классической суйфийской литературе»); Д.А. Радвиллова («Аргументы автора в сирах оманских ибадитов»).

Материалы конференции опубликованы в сборнике: Восточная Европа в Древности и Средневековье. Автор и его текст. XV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2003 г. Материалы конференции. М., 2003.

Очередные XVI Чтения будут проведены в апреле 2004 г. Тема Чтений: «Восточная Европа в Древности и Средневековье. Время источника и время в источнике». Хронология конференции – до XV в.

И.В. Ведюшкина

«Десять лет высшего исторического образования в Ханты–Мансийском автономном округе»

17 апреля 2003 г. в Нижневартовском государственном педагогическом институте (НГПИ) (Тюменская обл., г. Нижневартовск) на историческом факультете состоялась региональная научная конференция «Десять лет высшего исторического образования в Ханты–Мансийском автономном округе», посвященная 10-летию исторического факультета НГПИ. Преподаватели кафедры всеобщей истории НГПИ входят в РОИИ, и в рамках конференции была организована работа секции всеобщей истории «История идей и история общества». Секция оказалась самой многочисленной по числу заявленных докладов и участников среди трех секций, работавших в рамках конференции – здесь был представлен 41 доклад из 18 вузов и научных учреждений из 12 городов России. Материалы конференции по секции всеобщей истории были заранее опубликованы. Большим событием в жизни исторического факультета НГПИ, нового, недавно существующего вуза, было участие в конференции Президента РОИИ Л.П. Репиной. Наряду с этим, Л.П. Репина также прочла на историческом факультете НГПИ с 14 по 18 апреля 2003 г. спецкурс «Историческая наука на рубеже тысячелетий: новые направления, методы, концепции», который вызвал большой интерес у студентов и преподавателей исторического факультета.

В пленарном заседании с докладами выступили д.и.н., проф. Л.П. Репина и к.и.н., доц. Г.Г. Супрыгина (Томский государственный педагогический университет). Л.П. Репина в докладе «История историографии как интеллектуальная история» охарактеризовала современную интеллектуальную историю как научное направление, показав, что в его рамках сложились имеющие значительный познавательный потенциал возможности для изучения профессиональной культуры историков, предпосылок, условий, контекста их научной деятельности, для более глубокого понимания того, чем является историописание. Г.Г. Супрыгина в докладе «Германская парадигма: от Боннской к Берлинской республике» рассмотрела весьма актуальный для исследования процесс реинтеграции западных и восточных германских земель в 1990–е годы.

В материалах конференции нашло отражение еще одна дата – пятилетие существования кафедры всеобщей истории НГПИ, в состав которой входят два доктора, четыре кандидата исторических наук и два преподавателя, работающие над кандидатскими диссертациями. Заведующая кафедрой всеобщей истории НГПИ, д.и.н., проф. В.В. Степанова в своем вступительном слове на заседании секции отметила вклад исторического факультета, кафедры в пополнение кадрового потенциала историков в Нижневартовске и в Ханты–Мансийском автономном округе, охарактеризовала научную работу кафедры всеобщей истории. На заседании секции выступила также Л.П. Репина с докладом «Историческая наука и «публичная история», где привлекла внимание к крайне важному в современной историографической ситуации вопросу об общественном потенциале и роли исторической науки, которая должна целенаправленно уделять внимание тому, чтобы историки–профессионалы заботились о доведении до широкой аудитории результатов своих научных исследований, поскольку при цеховой замкнутости исторического знания историкам приходится сталкиваться с деформацией восприятия и понимания прошлого в общественном сознании. В.В. Степанова в своем выступлении «История одной идеи» обратилась к анализу идеи о соотношении силы и права в ходе исторического развития общества на примере деятельности О. Бисмарка с его известным афоризмом об объединении Германии «железом и кровью». К.и.н., доц. В.Н. Ерохин (НГПИ) в докладе «Идейные влияния как фактор в истории общества (к постановке проблемы)» привлек внимание к тому, что идеи в истории общества, возникнув при определенных обстоятельствах в тех или иных конкретно-исторических условиях, затем приобретают в своем развитии самостоятельную логику и действуют как один из факторов развития общества. Говоря о влиянии постмодернистских подходов на современное историописание, докладчик отметил, что они все же не способны поколебать существенно исторический анализ. Д.А. Степанов (Всероссийская налоговая Академия) в присланном на конференцию докладе через анализ вопроса о государственной регистрации юридических

лици рассмотрел актуальные проблемы в сфере современного административного права в России. Еще несколько докладов были посвящены общетеоретическим вопросам. Г.А. Котвицкая (Омский госпедуниверситет) в докладе «Человек, общество, история (что есть история)» остановилась на характеристике познавательных функций и общественной роли истории. К.и.н. Н.В. Макарьева (Омский госпедуниверситет) в докладе «История либеральной идеи. Либерализм: проблема типологии» обратила внимание на то, что в современной России в политической идеологии и общественном сознании происходит специфический процесс синтеза либеральных и традиционалистских ценностей с перевесом последних. Доклад к. полит.н., доц. Е.А. Шаталина (Омский гос. институт сервиса) «Проблема идентичности либерализма в западной истории идей» характеризует западный либерализм в духе идей Р. Барта как традицию идеологического письма с символическим, теоретическим и практическим компонентами. Общетеоретическим вопросам были посвящены еще два доклада – к.и.н. О.В. Хазанова (Томский ГУ) «Феномен религиозного историзма» и к. пед. н., доц. О.А. Ивановой и К.П. Сажинной (НГПИ) «Идея ненасилия в образовании».

Ряд докладов рассматривают вопросы истории западноевропейского средневековья и раннего Нового времени – д.и.н., проф. Е.В. Петрова (НГПИ) «Идеология меча («идеология» средневекового рыцарства Западной Европы)», канд. культурологии В.В. Яковлева (Тюменский ГУ) «Возможности перекодировки значений знамений в средневековых текстах (на примере «Истории франков» Григория Турского), И.Г. Комлева (Чувашский госпедуниверситет.) «Вклад болгарских ученых в изучение вопроса о происхождении и этнической принадлежности древних болгар (по исследованиям В. Бешевлиева и Б. Симеонова)», Л.Г. Ерохиной (Нижегородский филиал Сибирской автомобильно-дорожной академии) «Идея разделения полномочий светской и церковной власти в сочинениях Мартина Лютера», Н.В. Исламовой (НГПИ) «Идеи войны и мира в средневековом обществе». В работе конференции нашли отражение вопросы истории нового и новейшего времени: доклады Н.А. Бугаевой (Омский госпедуниверситет) «История идей и проблема русско-европейского диалога культур первой половины XVIII в.», Ю.В. Ситниковой (Омский ГУ) «Изучение феномена Просвещения в современной отечественной историографии», Е.В. Леушиной (Сыктывкарский госуниверситет) «Идейные предпосылки реформаторской деятельности Иосифа II в интерпретации П.П. Митрофанова», С.Ю. Гасниковой (НГПИ) «Взгляд на Европу русского профессора Симонова», Д.В. Офицерова (Пермский ГУ) «Субъективный фактор во внешней политике санационной Польши», к.и.н., доц. В.В. Тимофеева (Чувашский госпедуниверситет) «Историческая объективность и экспертиза (экспертизы Дж. Болла и Ф. Лейхтера)», С.В. Еремина (НГПИ) «Консервативный революционер Артур Меллер Ван ден Брук», Е.В. Саблуковой (НГПИ) «Идея корпоративизма в концепции Дж. Боттаи», к.и.н., доц. Г.Г. Супрыгиной (Томский госпедуниверситет) «Евреи в ФРГ после второй мировой войны», к.и.н., доц. Л.В. Василенко (НГПИ) «Место и роль США в мировом сообществе после окончания «холодной войны», Г.Р. Речаповой (Тюменский ГУ) «Причины военных переворотов в странах Тропической Африки в постколониальный период (отечественная историография)», Л.А. Абдуллаевой (НГПИ) «Идея «третьего пути» Тони Блэра».

Несколько представленных докладов были посвящены осмыслению истории России и конкретным проблемам российской истории XIX и особенно XX вв.: к.и.н., доц. Л.И. Сосковец (Томский ГУ) «К вопросу о роли православия в истории российской цивилизации», к.и.н., доц. С.В. Горбуновой (НГПИ) «Ислам и прогресс: реакция русского государства и общества на модернизацию ислама (втор. пол. XIX–начало XX в.)», Н.В. Захаровой (НГПИ) «А.А. Кауфман о проблеме переселенческого движения в Сибирь», к.и.н., доц. П.А. Орлова (Южно-Уральский госуниверситет, г. Челябинск) «Отраслевые особенности становления корпоративных пенсионных систем в пореформенной России (1865-1912 гг.): обоснование актуальности темы», Г.А. Котвицкой (Омский госпедуниверситет) «Социально-психологические механизмы поведения масс и их влияние на общественные настроения в начале первой мировой войны», к.и.н., доц. В.В. Тимофеева (Чувашский

госпедуниверситет) «Модернизация старообрядческих производств в Поволжье в конце XIX – начале XX вв.», к.и.н., доц. В.А. Сахарова (МГУ) «Карл Маркс и сталинский план коллективизации», Н.Е. Кауновой (Ульяновский ГУ) «Голод 1932–33 гг. в Средне-Волжском крае в зарубежной историографии конца XX в.», Е.Н. Наземцевой (Барнаульский госпедуниверситет) «Влияние фактора белогвардейской эмиграции на политику СССР в отношении провинции Сынцзыан в 1920-е гг.», Е.А. Харитоновой (Кемеровский ГУ) «Утилитарные установки индустриального общества в Кузбассе в 1920–30-е гг.: информационный фактор формирования», д.и.н., проф. Г.И. Тафаева (Чувашский госпедуниверситет) «Российская цивилизация: проблемы репрезентации идей в сознании молодежи», д.и.н., проф. Г.И. Тафаева и Л.О. Сидоровой (Чувашский госпедуниверситет) «Классификация элит Чувашской республики», О.Н. Маловой (Чувашский госпедуниверситет) «Студенческая молодежь в условиях трансформации российского общества (на материалах Чувашской Республики)», А.С. Дундича (Барнаульский госпедуниверситет) «Ислам в общественной жизни Восточного Казахстана в 1991–2002 гг.», Е.В. Бадаева (Кемеровский ГУ) «Комиссия по истории знаний и ее роль в истории советского востоковедения».

Проведенная конференция в секции «История идей и история общества», таким образом, охватила широкий круг проблем, предоставила возможность их обсуждения, а также способствовала установлению научных связей между историками из разных регионов России.

В.Н. Ерохин

ПЛАНИРУЕМЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ

29 сентября–3 октября 2003 г. в Омске состоится V Всероссийская научная конференция с международным участием, посвященная 10-летию Сибирского филиала Российского института культурологии «**Культура и интеллигенция России между рубежами веков: власть, метаморфозы творчества. интеллектуальные ландшафты (конец XIX - начало XXI веков)**».

К обсуждению предлагаются следующие проблемы:

- Мир личности в условиях изменений столичной и провинциальной культуры между рубежами веков
- Научные сообщества: специфика «сетей общения» и интеллектуальные диалоги с временем и миром
- Художник и вызовы времени: трансформации творчества в экстремальных условиях XX века
- Мировое и отечественное искусство как часть культурного наследия в провинции
- Интеллигенция и интеллектуалы: самооценка своей миссии и отношения с внешним миром
- Участие интеллигенции в строительстве советской и развитии российской культуры
- Проблемы взаимоотношений столичной и провинциальной интеллигенции
- Россия–Сибирь–Америка: проблемы диалога в поликультурном пространстве
- Пути к диалогу и синтезу универсальных, региональных, национальных, местных идеалов, ценностей, традиций между рубежами веков
- Перспективы и результаты воссоединения российского культурного наследия на рубеже XX-XXI веков
- Этнокультурная картина мира: миссия интеллигенции

В рамках конференции будет проходить научно-практическая выставка «Провинциальный культурный ландшафт в художественных образах и документах».

Предполагается проведение «круглого стола» на тему: «Власть. Культура. Творчество: проблемы управления и практического взаимодействия на современном этапе».

Адрес оргкомитета: 644077, г. Омск, ул. Андрианова 28. Сибирский филиал Российского института культурологии МК РФ, Оргкомитет конференции «Культура и интеллигенция России» Гайлит О.А.

Контактные телефоны: (3812) 285602 Гайлит Оксана Александровна, (3812) 269072 Матвеева Наталья Валерьевна.

E-mail: soii@univer.omsk.su,
valentina@ryzhenko.com

Санкт-Петербургский госуниверситет,
Философский факультет,
Центр изучения средневековой культуры
18 – 23 сентября

**проводит международную конференцию
«Лютеранство и лютеране в истории
Санкт-Петербурга и России».**

посвященную 300-летию Санкт-Петербурга

На конференции будут представлены доклады, образующие три тематических блока

1. Лютеране и лютеранство в истории и культуре Санкт-Петербурга.

2. Учение и идеи лютеранства в истории русской культуры:

- Лютеранство и православное богословие: размежевание и диалог традиций.

- Учение Лютера и русское православие в XVI – XVII вв.

- Идеи Реформации в контексте петровских реформ.

- Восприятие основ лютеранства в России XVIII в.

- Лютер и русская религиозная метафизика конца XIX – начала XX вв.

- Образы лютеранства и лютеранина в русской культуре.

- Роль и место лютеранства в современной России.

3. Философия и богословие протестантизма в истории европейского самосознания:

1. «Протестантская Реформация Мартина Лютера и европейская культура между Средневековьем и Новым временем».

- Формирование идей Реформации и университетская метафизика Средневековья.

- Отношение Лютера к средневековому аристотелизму и Фоме Аквинскому.

- Лютер и номинализм (У. Оккам, Г. Билль).

- Значение учения Августина в становлении взглядов молодого Лютера.

- Лютер и немецкая мистика (М. Экхарт, И. Таулер, Г. Сузо).

2. «Теология Мартина Лютера в становлении культуры Нового времени».

- М. Лютер и Ж. Кальвин: к истории становления протестантизма.

- Основные идеи и принципы протестантизма и философия гуманизма Северного Возрождения.

- Лютер и Эразм о «свободе» воли.

- Значение перевода Библии для развития христианской религиозности.

- Учение Лютера и утверждение протестантской этики.

- Реформационная теология Мартина Лютера в перспективе немецкого философствования.

Для участия в конференции необходимо до 1 июля 2003 г. прислать заявку и тезисы выступления. Проезд, проживание в гостинице и командировочные расходы оплачивает направляющая сторона.

Материалы докладов предполагается опубликовать после конференции. Для подготовки издания необходимо до 1 июля 2003 г. прислать тезисы выступления объемом до 1000 знаков (или полный текст выступления объемом до 20 000 знаков) в электронной форме в редакторе Word в формате .rtf. Оргкомитет оставляет за собой право отбора и редактуры текстов. Заявку и тезисы прислать по адресу:

199034 Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д.5, Санкт-Петербургский государственный университет. Философский факультет, Центр изучения средневековой культуры, Оргкомитет конференции «Лютеранство и лютеране в истории Санкт-Петербурга и России». О.Э. Душину (Председатель Оргкомитета). E-mail: odushin@mail.ru

Ученый секретарь конференции Т.В. Чумакова purastv@tc6373.spb.edu

Рабочие языки: русский, английский, немецкий.

Сыктывкарский государственный университет
Исторический факультет

Сыктывкарское отделение Российского общества интеллектуальной истории

26-27 сентября в г. Сыктывкар состоится межрегиональная научно-практическая конференция

«ГЕНДЕРНАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ»

Организатором конференции выступает Сыктывкарское отделение Российского общества интеллектуальной истории и Сыктывкарский государственный университет. Конференция призвана стать заключительным этапом реализации двух проектов, выполняемых на историческом факультете СыктГУ при поддержке «Института Открытое Общество» и ректората Сыктывкарского государственного университета в 2003 году — это образовательный проект «Гендерная теория и историческое знание: гендер как метод изучения и способ репрезентации прошлого» (Павлов А.А.) и «Виртуальный этнографический музей» (Семенов В.А.), в выполнении которых принимали участие специалисты СыктГУ, Коми научного центра УрО РАН, Коми государственного педагогического института.

Целью конференции является объединение усилий специалистов различных областей знания (историков, антропологов, культурологов, социологов, искусствоведов, лингвистов) в решении актуальных проблем гендерной теории и практики; обмен опытом, накопленным исследователями различных специальностей; обсуждение методологии гендерных исследований и возможностей практического использования результатов в образовательной среде, в том числе в виде создания электронных учебных программ, баз данных в сети интернет и т.д.

Проблемы, выносящиеся на обсуждение:

1. гендерные практики и структуры повседневности;
2. семья: гендерные роли, их воспроизводство и эволюция;
3. гендерное пространство и время;
4. социальная стратификация и гендерная иерархия;
5. миф, ритуал, символ: семиотика гендера;
6. гендер в маргинальных средах;
7. виртуальные миры гендера: интернет, кино, изобразительное искусство, массмедиа.

В рамках конференции планируется круглый стол «Гендерная теория и историческое знание. Проблемы и перспективы» (с участием д.и.н., проф. Л.П. Репиной), на котором будут обсуждаться следующие вопросы: 1) гендер: предмет, объект, методология, методика исследования; 2) гендерная проблематика вчера, сегодня, завтра; 3) проблемы метода: гендер как метод исследования и способ репрезентации прошлого; 4) гендерные методики и практики в преподавании исторических (гуманитарных) дисциплин.

Помимо круглого стола, планируется работа семинара, целью которого будет являться презентация электронных сред в сфере гендера (интернетсайты, учебные пособия, базы данных и т.д.), обсуждение возможностей их использования в образовательных целях и в учебном процессе в частности (просим желающих принять участие в презентации своих электронных продуктов заранее известить организаторов).

В рамках конференции будут также проходить презентации и обсуждения новой литературы (ждем предложений от авторов). В частности планируется презентация и обсуждение учебного пособия Л.П. Репиной *Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого (20 п.л.)*. М., 2002.

Организаторы готовы рассмотреть любые конструктивные предложения авторов относительно проблематики конференции, ее структуре и организации.

Прежде всего, просим желающих принять участие в конференции, срочно выслать заявки (с указанием полного ФИО, данных о месте работы, должности, а также необходимых технических средств для чтения доклада или проведения презентации) и название доклада. Тезисы объемом не более 3 страниц (интервал – 1,5; Times new Roman; кегль – 12; текстовый редактор WORD; формат doc или rtf) просим прислать не позднее 1 августа 2003 года по электронной почте, желательно по обоим указанным электронным адресам (kidmsv@syktsu.ru;

aapavlov@rambler.ru) или по адресу оргкомитета (167001 Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский проспект, д. 55, Сыктывкарский государственный университет, исторический факультет, Павлову Андрею Альбертовичу). Заявки, присланные после указанного срока, не имеющие электронного текста, превышающие указанный объем, будут рассматриваться в исключительном случае. Оргкомитет оставляет за собой право отбора тезисов и их технической редакции.

К сожалению, на момент составления данного информационного письма, оргкомитет не имеет средств для оплаты проезда и проживания иногородних участников, однако надеется все же на получение грантовых средств на проведение конференции, о чем участникам будет сообщено дополнительно.

Приглашаем всех заинтересованных лиц к участию в конференции.

Телефон в Сыктывкаре: (8212) 431687 (деканат исторического факультета СыктГУ);

e-mail: kidmsv@syktsu.ru; aapavlov@rambler.ru

С 16 по 18 октября в рамках Федеральной целевой программы «Интеграция науки и высшего образования России на 2002-2006 годы» *Ставропольский государственный университет и Ассоциация Европейских исследований (АЕВИС)* проводит на базе кафедры новой и новейшей истории СГУ Всероссийскую научно - практическую конференцию:

«Западноевропейская цивилизация и Россия: общее и особенное»

Целью данной конференции является анализ глобальной геополитической ситуации, место России в мире и перспектив ее сотрудничества с западноевропейскими странами. В ходе проведения конференции предполагается рассмотреть такие проблемы, как интеграционные процессы, различные типы и формы региональной интеграции, региональную политику ЕС, западноевропейское сотрудничество в области безопасности; взаимоотношения России с военно-политическими организациями Запада; проанализировать возможности расширения связи России с европейскими странами. Одной из целей является содействие росту квалификации и навыков исследования молодых ученых, аспирантов и студентов, установление научных связей с исследователями других вузов; воспитание толерантности.

Материалы участников конференции будут опубликованы до начала ее проведения.

Продолжительность конференции - 2 рабочих дня, с 16 по 18 октября включительно, заезд 16 октября (во второй половине дня), отъезд - 18 октября (во второй половине дня). В программу входит работа секций:

1. Сотрудничество России и Европы в контексте проблем безопасности.
2. Особенности развития взаимоотношений Запада с Российской империей—СССР—Российской Федерацией.
3. Мировые интеграционные процессы.
4. Холодная война: от конфронтации к диалогу.
5. Региональная политика Западных стран и России.
6. Взаимоотношения Россия—Запад: обзор научных дискуссий.
7. Россия—Европа в диалоге идей и культур.
8. Интеграция России в европейское образовательное пространство. Болонский процесс.

Всероссийская научная конференция «XX век и культурная память»,

31 января – 1 февраля 2004 г., Челябинск

Проблематика и терминология, связанные с исследованием культурных ориентиров и практик исторических персонажей и социальных групп (субъективная реальность, *Lebenswelt*, менталитет, исторический опыт, исторический образ, миф, дискурс, хабитус, коллективная и культурная память и др.), заняли в последние полтора десятилетия заметные, но не бесспорные позиции в западной историографии. Открытыми остаются вопросы, не является ли этот интерес данью моде в рамках постмодернистского поворота, насколько эффективен для историка-исследователя предлагаемый инструментарий. Между тем, в российском историческом цехе работа с этими категориями

до сих пор воспринимается как новация и ограничена узким «эзотерическим» кругом «посвященных», страдающая подчас недостаточным уровнем рефлексии.

В связи с этим Челябинское отделение РОИИ и участники коллективного проекта «Россия в «век катастроф» и культурная память» (грант «Межрегиональные исследования в общественных науках») на базе исторического факультета Челябинского государственного университета предлагают провести конференцию, посвященную изучению процессов формирования, поддержания и обновления коллективной памяти в XX веке. Планируется поочередная работа секций по следующим тематическим блокам:

- память как категория исторического познания (проблемы теории и методологии);
- Реконструкция культурной памяти (источниковедческие проблемы);
- Историк и память: мифотворец или охотник за мифами?
- Власть и память: манипуляции запоминанием и забыванием;
- Групповая культура памяти: национальные, классовые, возрастные и гендерные особенности обращения с прошлым.

Формирование секций будет осуществляться на конкурсной основе.

Заявку на участие в конференции необходимо представить до **10 сентября** (форма заявки прилагается), а полный текст статьи просим присылать не позднее **1 декабря**. Статьи, поступившие после указанного срока или оформленные не по образцу, к публикации не принимаются. Объем статьи – не более 20 стр. в Word/RTF, через 1,5 интервала, 12 шрифт, сноски концевые.

Работа конференции будет проходить в следующем режиме: все авторские тексты и окончательный вариант программы будут заблаговременно разосланы участникам конференции для предварительного ознакомления. Во время работы секций каждому автору будет предоставлено 15 минут для презентации и комментария своего проекта, с тем, чтобы большую часть рабочего времени посвятить дискуссии. Рабочий язык конференции – русский.

В случае невозможности личного приезда авторы, прошедшие конкурсный отбор и внесенные в программу, могут поручить одному из участников конференции презентацию своего материала с последующим его обсуждением, а также выслать вопросы и комментарии к материалам других участников.

Заявки и статьи принимаются **только** в формате Word для Windows по адресу kulthist@csu.ru

К сожалению, Оргкомитет не располагает средствами для оплаты проезда и проживания участников.

Об условиях публикации сборника статей будет объявлено дополнительно.

Предварительная программа: «Память как категория исторического познания (проблемы теории и методологии)»

В секции предполагается обсудить проблемы эвристической ценности категории «память» в различных ее модификациях (коллективная, культурная, групповая, индивидуальная и пр.), возможности и границы использования этой категории в историческом познании, структурные и содержательные контуры подразумеваемого феномена. Предполагается также презентация коллективного проекта казанских и челябинских историков «Россия в «век катастроф» (1914–1945) и культурная память».

Реконструкция культурной памяти (источниковедческие проблемы)

Темой обсуждения этой секции будут поиск источников, отражающих процессы запоминания и забывания прошлого, и методов реконструкции этих процессов. Каково значение материалов личного происхождения и интервью для воссоздания «невидимой» трансформации памяти? Каков потенциал художественной литературы, изобразительного искусства и других «нетрадиционных» источников для воссоздания структур, содержания и динамики социальной памяти? С помощью каких методик возможно эффективное проникновение в различные смысловые пласты исторического источника?

Историк и память: мифотворец или охотник за мифами?

В рамках этой секции хотелось бы обсудить центральный вопрос: что происходит во время исторического исследования? Конструирует историк мифы или деконструирует их? Является ли историографическое познание прошлого антиподом или вариантом мифологизированной памяти? Предполагается рассмотрение этих вопросов на конкретных историографических примерах изучения отдельных тематических полей и деятельности видных историков.

Власть и память: манипуляции запоминанием и забыванием

Секция будет посвящена конкретно-историческим исследованиям воздействия государства и общества на мнемонические процессы в XX в. Влияет ли (и в каком направлении) характер политического режима на формы обращения к прошлому? Каковы мотивы и инструменты манипулирования исторической памятью, вплоть до ее табуирования и репрессирования со стороны государства и общества? Какие факторы ускоряют процесс коллективного забывания?

Групповая культура памяти: национальные, классовые, возрастные и гендерные особенности обращения с прошлым

Участники этой секции обсудят вопросы, связанные с специфическими групповыми мнемотехниками. Что и как вспоминают разные социальные группы? Каким образом коллективная память конституирует группу и оказывается инструментом легитимации, сопротивления и протеста?

Форма заявки на участие в конференции

1. Фамилия, имя, отчество (полностью)
2. Место работы
3. Должность
4. Ученая степень, ученое звание, членство в академиях и других научных и профессиональных сообществах
5. Тема презентации
6. Полный почтовый адрес (служебный и домашний)
7. Телефон
8. Факс
9. E-mail
10. Возможность приехать на конференцию за счет собственных грантов, командировки ВУЗА и т.п.

СЕМИНАРЫ Центра интеллектуальной истории «Интеллектуальная история и современная историческая наука»

В 2002-03 гг. продолжал работу семинар «Интеллектуальная история и современная историческая наука».

Внимание! Идет обновление базы данных по рассылке информации по семинарам. Кто хочет получать текущую информацию по рассылке пусть подтвердит это желание по эл. почте: zverca@mail.ru.

Мы предлагаем краткое изложение докладов, обсуждавшихся на семинарах в ноябре-декабря 2002 г.

И.П. Кулакова (МГУ)

Кабинет как атрибут интеллектуального быта России XVIII–XIX вв. (к постановке проблемы)

В последние десятилетия в исследовательское поле интеллектуальной истории всё больше входят сфера повседневности, конкретные формы и средства творчества и интеллектуального общения. Мы предлагаем обратиться к такому социокультурному феномену как *кабинет* (кабинет в его российский «ипостаси» будет интересовать нас в первую очередь). История знает кабинеты просвещенных интеллектуалов, ученых, интеллигентов, бюрократов, менеджеров. Организация и устройство кабинета, как правило, были связаны с родом занятий его хозяина: появление в доме кабинета всегда сопутствовало обращению его хозяина к какому-либо виду интеллектуальной деятельности или имитации последней (идея «модного кабинета» может захватывать достаточно широкие круги обывателей).

Мы собираемся сделать полем исследования само пространство кабинета. Применяя к его анализу категории «публичности» и «приватности», можно выявить противоположные функции кабинета – функции единения и общения, которые актуализируются в различных культурных ситуациях. На определенном этапе именно кабинет (наряду с салоном и гостиной) стано-

вится пространством *интеллектуального общения*. Оформление кабинетов можно рассматривать как текст. Подчеркнутый аскетизм обстановки или нарочитая пышность; значение атрибутов кабинета, выходящее за пределы их изначальной функции: тип, размер и оформление стола, количество предметов в письменном гарнитуре, размещенные в пространстве кабинета вещи и изображения и др. – все эти слагаемые складываются в образ кабинета, который каждый раз индивидуален (ничто не может, на наш взгляд, характеризовать человека точнее, чем его кабинет). В истории кабинета отражался и культурный контекст.

Сознавая обширность проблемы, мы лишь обозначим основные направления в изучении кабинета в контексте истории развития науки, высшего образования и социокультурной ситуации России в целом.

Новые требования к интерьеру кабинета определяются новыми чертами поведения – вовлечением относительно большого числа людей XVIII – начала XIX в. в интеллектуальную деятельность: коллекционирование, чтение, литературное творчество, наконец, в занятия экспериментальной наукой. (Для некоторых эти «кабинетные» занятия теряли эпизодичность, отражая процесс профессионализации знания.)

В рамках изучения XVIII в., помимо «деловых» помещений политических деятелей петровского времени, изучения заслуживают помещения кабинетного типа («протокабинеты») в дворцах знати второй половины XVIII в. (Останкино, Архангельское и др.). В быту того времени действовала особая логика поведения: анфиладность помещений во дворцах превалировала, устройству же непарадного помещения, удобствам жизни в нашем понимании лишь начинали уделять внимание. Изучение чертежей, описей помещений и обстановки в них позволят приблизиться к пониманию того, что, собственно, называли словом «кабинет» обитатели усадеб.

В России укоренилась пришедшая из Европы мода на «кунсткамерность» кабинетов (этот тип кабинета складывался на протяжении XVI–XVII вв.). Процесс его распространения в XVIII в. был общеевропейским. Первый кабинет редкостей – Кунсткамера – был созданием царя Петра, но лишь примерно с начала 40-х гг. XVIII в. дворяне в России начинают появлять стойкий интерес к созданию своих *собственных* «кабинетов редкостей». Это были натуральные и минералогические кабинеты, полные диковинок, чудесных автоматов и устройств (гораздо реже – частных *кабинетов-лабораторий*, которыми *«угощали» гостей*). Т.о. главенствовала функция первых кабинетов – «изумлять». Характерная для этого времени эстетизация научных коллекций была нацелена на их *демонстрацию*. При создании такого кабинета просвещенным вельможей (знатоком-дилетантом) в подборе коллекций произведений искусства, приборов и естественноисторического материала, в принципе построения коллекций – во всем воплощался *взгляд на мир*, фундаментальную идею целостности мироздания. Разумеется, подниматься до программных установок при создании своих апартamentов тогда могла лишь дворянская интеллектуальная элита, обладавшая к тому же достаточными средствами (например, Н.П. Шереметев).

В начале XIX в. кабинеты редкостей достаточно широко распространились среди любителей в Москве и провинциальных городах. Публичность этих коллекций была их главной чертой. («Всякая вновь приобретенная... вещь... доставляет удовольствие *другим* любителям и знатокам *собираться...*, рассматривать оную, рассуждать о ней, и возбуждать благородное соревнование»). Еще одна линия развития «жанра» – кабинет как место творчества, специально приспособленное для единения и интеллектуальной деятельности. (Имея в виду массовые общеевропейские процессы, Р. Зидер пишет об изменении некоторых форм быта к концу XVIII в.: «Вместо общих помещений и комнат, служивших многим целям ...возникла *специализация помещений* (кабинет, жилая комната, столовая, детская) – архитектурное выражение растущей потребности отделиться друг от друга... Все это выражалось связанный с цивилизационным развитием процесс индивидуализации»).

Те же тенденции к индивидуализации быта можно наблюдать и в России. К I пол. XIX в. *усадебный кабинет*

сложился как помещение, наиболее важное для хозяина дома. Он был связан с управлением хозяйством, с все более распространявшейся интеллектуальной деятельностью, был местом встреч на деловой почве. Центральное положение письменного стола можно считать весьма значимым явлением, отражавшим новые приоритеты в общественной и частной жизни. Однако такой усадебный кабинет почти не украшался.

Через усадебные кабинеты прошло несколько поколений русских дворян: поколение 1740–50-х гг., «зачинателей усадебной культуры» сменили их дети – поколение 1770–90-х годов рождения, «люди Аустерлица, Бородин, Сенатской площади». Собственно кабинет просвещенного дворянина начала XIX в. Ю.М. Лотман связывал с установкой на свободное уединение, на «кабинетную работу мысли», противостоящей деятельной занятости основной массы дворянства.

На стиль оформления интерьера влияло появление новых практик, изменявшиеся формы времяпрепровождения. В комнатах, располагающих к «салонным ситуациям» с начала XIX в. заметно тяготение к замкнутому уголку: «коммуникативное пространство» тяготеет не к парадности, а к приватности бесед. Кабинеты некоторых деятелей начинают функционировать в режиме публичного пространства, но уже не в жанре «кунсткамерности», а как пространство интеллектуального общения. (Отметим возникший обычай курения в кабинете: он был связан с модой на «размышления», беседой в небольшом приятельском кругу.) С функцией публичности связана мода на устройство кабинетов, покоившаяся на новых стереотипах. Прежде всего это сдвиг в отношении к чтению и интеллектуальному труду в целом. В крайнем варианте оформление этого приватного пространства доходило до имитации интеллектуальной деятельности – создания, если так можно выразиться, «псевдокабинетов». (В кабинете Манилова «всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкой на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года».)

Особая тема – кабинет ученого-профессионала. Создание естественнонаучных коллекций эволюционировало от развлечения дворянина до практики ученого, а европейский кабинет как рабочая комната стал моделью для российской «ученой публики». Тон задавали такие фигуры, как, например, Бюффон. (Театральность, характерная для XVIII в. вообще, присутствовала в его поведении как признак высокой миссии кабинетного творчества: «...Великий автор идет в кабинет свой, как мы идем в торжественное собрание; он один, но перед ним вселенная и потомство».)

Однако появившийся в России новый, слой, ориентированный на интеллектуальную деятельность и науку, был пока очень тонким. Литературное творчество (критика, занятия историей и т.п.) рассматриваются интеллектуалами из числа дворян еще в рамках досуга (разночинцам-интеллектуалам приходилось действовать в рамках дворянской культуры). Однако, убранство кабинета ученого-профессионала было особым. Типичный дилетант конца XVIII – начала XIX в. не нуждался в письменном столе, предпочитая секретеры, конторки, бюро, а вот историку Карамзину большой стол в рабочей комнате был просто необходим. У большинства профессионалов публичная функция кабинетов, кажется, отходит на второй план, уединение же становится главным условием для творчества. (Профессор М.П. Погодин писал: «В своем мезонине я теперь царь: ни один звук до меня не доходит, и я, окруженный книгами, ...имея пред глазами живые картины, занимаюсь властью»). Погруженные в творчество литераторы и ученые, как правило, мало заботились об обстановке своего кабинета. Главным условием было удобство для творчества, не представительность, но комфорт и практичность.

Обязательное наличие кабинета для «серьезного человека» – тенденция с продолжением. В России 2-й пол. XIX – начала XX в. домашний кабинет имел каждый «господин среднего достатка». Развивались типы служебных кабинетов, кабинетов-приемных. С ростом чинов их обладателей росли сами кабинеты, письменные столы, столы заседаний под самотерятыми разноцветного сукна, письменные гарнитуры и – портреты как символы высоты положения хозяина кабинета в государственной иерархии.

Разумеется, интерьер и бытовой уклад кабинетов представителей разных социальных слоев (дворян-интеллектуалов, ученых профессионалов, бюрократов и т.д.) разнился. Но как помещение в высшей степени «интимное», место, где человек оставался «наедине с собой», кабинет, как уже говорилось, демонстрировал характер, индивидуальные черты хозяина, его склонности и пристрастия. В кабинетах хранились памятные вещи, на стену вешались рисунки и портреты, вызывавшие памятные ассоциации и полные символические. Т.о. когда меняется мода на оформление кабинетов, происходит это в соответствии со сменой не только художественных стилей, но и социокультурных тенденций.

Постепенно складывается тип среднего, «классического» кабинета, просуществовавший до 1917 г. (и позднее). И, наконец, отметим: именно «кабинет отца» был образцом, где закладывались традиции семейного интеллектуального быта, уважение к труду такого рода. Для мемуаров XIX в. характерно уважение, которое всем домашним внушала кабинетная работа отца. В представлении ребенка «папин кабинет», это, как правило, особый мир, таинственный и притягательный. (Маленький герой Л.Н. Толстого вспоминает: «Мне казалось, что важнее тех дел, которые делались в кабинете, ничего в мире быть не могло»). Чтение книг из «папиного кабинета» часто было актом «приобщения к миру взрослых».

Итак, кабинет как особое пространство, как составная часть жилища возникает, актуализируется на определенных этапах истории, эволюционирует, обрстая стереотипами, захватывая своим влиянием все новые слои населения и остается при этом необходимым атрибутом интеллектуального быта для определенной части социума.

Ю.Л. Троицкий (РГГУ)

Эго-история как способ культурно-исторической самоидентификации в современной России

Одной из поразительных черт истории повседневности современной России стало огромное количество разнообразных «повествований о жизни», заполнивших не только СМИ, но и бытующих как постфольклорный феномен в устном и письменном общении. Создается впечатление, что слоган «человек сам себе историк» материализовался в нашем обществе и стал такой же приметой реальности, как безудержная рекламная агрессия.

Вероятно, всплеск интереса к истории, в самом широком смысле этого слова – от удаления «белых пятен» до исторического нигилизма (многотысячные тиражи книг А.Т. Фоменко и его сторонников), – всегда сопровождает крутые исторические и социальные повороты. Обращение к прошлому, к общей этнической, национальной или культурной памяти, является условием самоидентификации человека. Но это обращение не может быть непосредственным: между человеком, потерявшим идентичность, и прошлым стоят: вещи, тексты и произведения.

Вещи играют роль невербальных «узлов» памяти. Мемориальная инерция вещей пропорциональна их возрасту, силе воздействия на конкретные обстоятельства жизни человека и уровню символичности.

Тексты – устные или письменные рассказы о жизненных ситуациях, своих и чужих (эго-истории) – организуют поток воспоминаний в связные и целостные нарративы. Это уже безусловно эстетическая деятельность.

Произведения (художественные тексты, явления искусства и архитектуры, музыкальные произведения) превращают читателей, зрителей, слушателей в субъектов эстетической и художественной коммуникации. Идентифицирующая функция произведений состоит в предоставлении человеку возможности примерить на себя ту или иную маску, роль, позицию. Художественные произведения создают другую реальность, в которой можно пере-иначить, пере-жить уже прожитую жизнь.

Эго-история как нарратив – это не просто рассказ о собственной жизни, но такое сюжетное повествование, которое имеет свою интригу и не совпадает ни с автобиографией как нормативно жестким письмом, ни с автопсихологией, в том смысле этого слова, какой ему придала Лидия Гинзбург (т.е. рефлексией по поводу собственной биографии).

Под эго-историей в докладе понимается также такое направление в современной историографии, кото-

рое занимается историческими нарративами, принадлежащими непрофессиональным историкам.

Эго-история лежит на границах праксиса и дискурса: человек, создающий такой нарратив, сначала создает фабулу (отбирает значимые для него жизненные факты), а затем превращает ее в сюжет (выбирает определенную последовательность и способ описания этих фактов). При этом фабулизуется собственная жизнь – реальные коллизии и ситуации проходят фильтр отбора и становятся эпизодами текста. Как правило, интрига эго-историй, (которая, согласно П. Рикеру, есть «совокупность сочетаний, посредством которых события преобразуются в историю»), – это интрига простой хронологической последовательности, сближающая, иногда почти до совпадения, фабулу и сюжет. Но эта простота кажущаяся: хронологическая последовательность постоянно оборачивается каузальной зависимостью последующих эпизодов от предыдущих.

При этом эго-исторический нарратив обладает свойствами полноценного эстетического феномена: с помощью акта автоописания человек расщепляет себя на «героя» и «повествователя», а затем и на «читателя» собственного произведения. Эго-исторический нарратив стремится к завершенности и цельности, образуя особое эстетическое явление, а потенциально – явление художественное – в его сюжете и интриге интенционально уже имеются возможности различных художественных модусов: героического, трагического, идиллического, комического, иронического.

Если не понимать эстетическую деятельность только как художественную (всякое художественное произведение является эстетическим феноменом, но не всякое эстетическое явление становится художественным), тогда рассказывание и писание эго-историй превращается в полноценную эстетическую практику.

Основная мысль доклада: в условиях кризиса идентичности, который переживается огромным числом граждан современной России, имеется, пожалуй, одно всем доступное средство самоидентификации – эго-историческое письмо.

Материалом доклада стали эго-истории, написанные петербургскими бомжами и опубликованные в сборнике «Расскажи свою историю» («Tell us your story»). Эти истории стали результатом конкурса, который объявил петербургский фонд «Ночлежка» и газета «На дне» в 1999 г.

Почему именно истории, написанные бомжами? Кризис идентичности приобрел в России чрезвычайно широкий размах и остроту. Разрушение социальных, политических, культурных и иных привычных рамок, гигантские миграционные потоки выбили людей из освоенных орбит и ниш, спровоцировав глобальный кризис идентичности. В типологии И. Рюзена («Crisis, Trauma, and Identity in Historical Thinking»), можно выделяются три типа кризисов идентичности: нормальный, критический и катастрофический. Выбор «историй» бомжей – людей, переживших критический или даже катастрофический кризис, позволяет увидеть способы исторической и культурной идентификации, характерные для экстремальных ситуаций. При этом не надо думать, что авторы этих историй – росто опустившиеся асоциальные типы. Среди тех, кто написал свои эго-истории есть кандидаты наук, большая часть авторов – люди с высшим образованием. Но дело не в образовательном цензе авторов. Эго-историческое письмо, являясь эстетической деятельностью, дает возможность человеку приблизиться к сфере искусства, а часто и действовать уже на территории художественного пространства. Многие места и даже целые тексты эго-историй как будто цитируют лучшие страницы Камю или произведения романтиков.

Эго-истории социальных маргиналов, кроме того, могут стать репрезентативным источником для диагностики состояния современного российского общества, составляя при этом антиномичную пару «высоким» автобиографическим описаниям элитных групп.

В качестве аналитического инструмента в докладе использована схема археосюжета, разработанная В. Тюпой для биографических нарративов. Эвристичность этой сюжетной схемы заключается в строгой последовательности всех четырех фаз, и пропуск одной из них значим так же, как ее присутствие (по аналогии с минус-приемом). Нарушение сюжетной схемы, таким

образом, требует интерпретации и уже поэтому является продуктивным смыслопорождающим механизмом.

Ключевым для различения в эго-исторических нарративах тех или иных фаз жизненного цикла становятся не только биографические события, но и способ их описания автором. Плодотворна здесь мысль М. Бахтина о двусобытийности наррации: событие, о котором рассказывается, и событие самого рассказывания. Именно последнее событие превращает жизненный материал в эстетическую реальность.

Почему же эгоистория становится универсальным способом самоидентификации?

Во-первых, потому, что вступая в область письма, человек вынужден, не подозревая об этом, подчиниться имманентным законам нарратива, присоединяя себя ко всему племени пишущих «истории» и уже этим повышая свой статус.

Во-вторых, с помощью эстетических механизмов письма-чтения автор эго-исторического повествования получает возможность с рефлексивной позиции посмотреть на свою жизнь. При этом «зеркало» текста не отражает прожитую жизнь по принципу наивного реализма: несовпадение фабульной и сюжетной линий, усилие оцелостнения, переход от письма к чтению (и снова к письму) продуктивно искажают жизненный материал и придают ему узнаваемые черты известных жизнеописаний. Узнавание себя в известном – необходимое условие самоидентификации.

В-третьих, связность исторического нарратива, его целостность, воспринимается заинтересованным читателем (автором) как модель искомой жизненной целостности и осмысленности, как некоторый текстовый эквивалент прожитой жизни. Эго-историческое письмо, превращаясь в дискурс, позволяет «поправить» биографические события, смикшировать жизненные коллизии, получить культурную санкцию для самооправдания.

В докладе делается вывод о том, что мы имеем дело с феноменом новой литературы, которая лежит в области non-fiction, но, безусловно, является деятельной эстетической, а иногда — художественной. Во всяком случае, эго-истории дают возможность их авторам приобщиться к настоящему творчеству и получить возможность хотя бы частичной культурной реабилитации в условиях критического или катастрофического кризиса идентичности.

Ионов И.Н. (ИВИ РАН)

Цивилизация и утопия

1. Как соотносятся теория цивилизаций в качестве инструмента научного познания – и утопическое сознание? Насколько обоснованы в связи с этим претензии теории цивилизаций как ответвления исторической социологии на научную объективность и роль методологии исторических исследований? Ответы на эти вопросы позволяет получить анализ утопических элементов в структуре теории цивилизаций, а также сравнительный анализ развития цивилизационного и утопического сознания.

Поводом к историческому исследованию этой проблемы может служить *хронологическая близость* поворотных моментов в истории цивилизаций и литературных утопий. В 1750-е гг. впервые появляются утопии, т.е. изображения идеального общества (этически должного), противопоставленные сфере практического опыта не при помощи их пространственной обособленности от ойкумены, а при помощи их вынесения в более или менее *отдаленное будущее*. Это утопические произведения Морелли «Базилиада» (1753) и «Кодекс природы» (1755). Начиная с 1750 г. в произведениях Тюрго «прогресс человеческого разума» и развитие цивилизованного состояния связываются с разрешением социальных проблем человеческого рода, прежде всего с преодолением социального неравенства и различий в уровне культурного развития народов. Тогда же, в 1756 г., появляется брошюра В. Мирабо-старшего «Друг человека или трактат о населении», в котором понятие «цивилизация» впервые используется в современном смысле.

Кризис утопического сознания и теории цивилизации также хронологически очень близки. В 1970-е гг., после временного оживления утопических проектов наступает сильное разочарование в утопиях, прежде всего в Европе. Тогда же английский антрополог Д. Вудберн подрывает сами основания утопических проектов как попыток возвращения к Золотому веку человечества. Эгалитарные и неэгалитарные формы первобытного общества, обычно считавшиеся исторически преемственными, он признал равными по древности и отражающими разные стратегии приспособления к окружающей среде. Тем самым идеал равенства как исконный, изначальный, «естественный» был разрушен. С этого времени речь идет только о «реконструкции», а точнее о *гальванизации* утопии (Ф. Аинса, И. Бесерра). Тогда же исчерпывается импульс развития теории цивилизации во Франции (поворот школы «Анналов» к микроистории, последняя крупная теоретическая книга Г. Мишо и Э. Марка в 1981 г.) и в Германии (переоценка творчества Н. Элиаса его учениками в 1989 г.). Последним оплотом теории цивилизации из развитых стран остаются США.

2. Более или менее ярко выраженные утопические представления сопровождают теорию цивилизаций с самого ее возникновения до классических ее образцов. Особенно ярко они проявляются в прогрессистских линейно-стадиальных концепциях конца XVIII – XIX вв., созданных М.А. Кондорсе (идея бесконечного прогресса), О. Контом (идеал общества, управляемого наукой), Ф. Гизо (совмещение максимума факторов прогресса), но продолжают существовать в концепциях М. Вебера (западная стратегия «овладения миром») и А. Дж. Тойнби (вселенская церковь). Как указывал еще исследователь утопического сознания К. Манхейм, это связано с либеральным характером их идей: «Либеральное переживание устанавливало связь между бытием и утопией, превращая идею в осмысленную, перемещенную в будущее *цель*, которая *благодаря прогрессу постепенно и хотя бы в некоторой степени* получает свою реализацию в нашем обществе» (подчеркнуто мной – И.И.).

Для характеристики утопических элементов цивилизационных теорий оговорки К. Манхейма очень ценны: речь у него идет не о трансцендентной и замкнутой на себе утопии, а об имманентной, частичной (реляционной, в терминах автора), либеральной утопии (или утопии свободы, просвещения, закона, по словам Ф. Аинсы). Только такая утопия может способствовать *дифференциации* (термин Манхейма) образа прошлого, его конструирования в качестве объекта социологического (философско-исторического) познания.

Считать всякую утопию трансцендентной, как сделал А. Валицкий применительно к концепции славянофилов, значит произвольно вывести изучаемую концепцию за рамки теории цивилизаций. Трансцендентализация утопии, ее противопоставление текущей реальности вызывает *кризис* цивилизационных представлений. Так произошло у утопистов XIX в., когда Ш. Фурье, объединив цивилизацию и варварство, противопоставил им как утопический идеал «гармонизм». Его внимание к «подробностям» исторического процесса при этом резко упало. Как писал К. Манхейм, это связано с *релятивизацией* образа прошлого, который становится неважным по сравнению с трансцендентальной утопией будущего. Прошлое депролематизируется, его оценка становится заведомо негативной (за исключением другой утопии – «эгалитарной» первобытности). Теория цивилизации превращается при этом в *критику цивилизации*. Это относится не только к К. Марксу и Ф. Энгельсу, идентифицировавшим цивилизацию с эксплуататорским обществом, а культуру с идеологией, но отчасти и к позднему Тойнби, который представил цивилизацию как регресс по сравнению с церковью как социальной формой.

3. Не вполне очевидно, что утопия играет большую роль и в теориях локальных цивилизаций. Собственно, у Н.Я. Данилевского утопия будущей России как четырехосновного культурно-исторического типа сформулирована точно так же, как и у Ф. Гизо утопия Франции (за 20 лет до появления книги русского социолога эти идеи Ги-

зо критиковал А. Гобино). Однако черты утопии при этом в условиях кризиса исторического оптимизма часто распределяются между собственной культурой и культурой-наследником (у Г. Рюккерта и О. Шпенглера – между немецкой и русской культурами). Возникает неприятная для читателя «осцилляция» между двумя образами истории, которые конструируются при помощи *двух совершенно разных* стратегий. Особенно последнее обстоятельство заметно у Шпенглера, претендовавшего на роль «открывателя» равенства мировых культур и одновременно обозначившего культурный механизм, создавший русскую культуру при помощи pejоративного термина «псевдоморфоз», от которого лишь шаг до россыпи «псевдоявлений», описываемых А.С. Ахизером и служащих основанием для его характеристики России как «промежуточной», «застывшей» цивилизации.

4. Роль утопического сознания для создания и функционирования теорий цивилизаций нельзя оценить однозначно. Но необходимо отметить, что в данном случае мы имеем дело не просто с мифологическим или религиозным сознанием. Утопия – особый феномен большого (городского) общества и достаточно секуляризированной культуры. Созданная при ее помощи версия истории помещена в морально-этическое пространство и снабжена вектором, составляющим ее стержень. Ее смысл – в культурно-историческом оправдании универсального проекта, порожденного данной цивилизацией.

Кроме того, утопия создает особую «оптику» для исторического исследования. Проблематизация или дифференциация образа прошлого при помощи реляционной утопии коренным образом отличается от его проблематизации при помощи образа настоящего. Дифференциация касается при этом больших временных и пространственных блоков (генерализирующий подход). Это – стратегия философии истории или социологии. На уровне исторического факта происходит скорее релятивизация образа прошлого: конкретные факты становятся менее значимыми, их описывают с чужого голоса, схожие факты в разных эпохах и странах свободно взаимоподобляются, *источниковое знание* – основной предмет внимания историка – отходит на задний план.

Все это позволяет охарактеризовать воздействие теории цивилизаций на конкретно-историческое знание как стратегию «исторической амнезии». Конкретные сведения о прошлом в их индивидуальности и многообразии при этом забываются и выпадают из проблематизируемого поля *как класс явлений*. Проблематизируется очень небольшой круг материала, предопределенный характером и содержанием используемой утопии. Такая стратегия ценна только при переходе от одной тоталитарной версии исторического знания к другой. В условиях теоретического и идеологического плюрализма ее роль неизбежно падает. Превращение теории цивилизаций в методологию конкретно-исторического познания означает доминирование *социологической* формы проблематизации прошлого над конкретно-исторической и, соответственно, *утрату исторической науки своей дисциплинарной специфики*.

5. Вместе с тем, игнорировать достижения теории цивилизаций и ее роль как отрасли гуманитарного знания невозможно. Цивилизационное сознание надолго распадается только в обществах, переживающих демографическую трансформацию, смену носителей культурного наследия (как в Западной Европе). В России и странах Востока наблюдается подъем цивилизационного самосознания и рождение новых (хотя и во многом дублирующих западноевропейские образцы) теорий цивилизаций – следствие освобождения от европоцентрической концепции всеобщей истории, толкующей о «средних веках» или «новом времени» как универсальных явлениях, утопическая основа которой в месте ее создания утратила актуальность. Слабым местом этих теорий является не наличие утопической основы, а неспособность осознать ее роль, заимствованность утопий, их несоответственность с реалиями истории. Привязка исторического знания не к цивилизационному проекту (реляционной утопии), а к современности тоже не всегда дает положительный результат, о чем свидетельствуют попытки принять в качестве методологической опоры сильный антропный космологический принцип.

Возможность переосмысления роли реляционной утопии как инструмента проблематизации прошлого дает теория синергетики с ее представлением об *аттракторах* как идеальных целях культуры, взаимодействующих в точке бифуркации (в момент максимальной хаотизации и последующего преодоления хаоса) и определяющих тем самым *ретросказуемое прошлое*, возникающее в общественном сознании в результате прохождения этой точки. При помощи этой теории в отдаленной перспективе не исключено создание методологической основы для выработки научных принципов работы с квазиутопическими моделями для нужд исторической социологии.

А.Ю.Серегина (ИВИ РАН)

Английская Реформация глазами католических историков XVI века

Одним из последствий Реформации в культурной сфере был возросший интерес к истории, национальной и церковной. Протестанты стремились найти свое место в истории церкви, показать (вернее, сконструировать) связь с апостольской церковью и провести от нее линию к собственной церкви, минуя церковь Римскую, или вписывая ее в историю «истинной церкви» иным образом. События XVI века заставили католиков размышлять о состоянии церкви и путях ее реформирования, а также осмысливать причины возникновения и распространения новой «ереси».

Первые католические истории Реформации показывают, каким образом католики-англичане XVI в. осмыслили свое недавнее прошлое – от разрыва Генриха VIII с Римом до царствования Марии Тюдор, и в чем они видели причины столь легкого отказа страны от католицизма во второй половине века.

Историки позднейших столетий начинают историю английской Реформации с правления короля Генриха VIII и с акта о королевской супрематии 1534 г., который оформил разрыв с Римской церковью. Однако для современников это событие не знаменовало собой чего-то радикально нового. Оно стало «схизмой», конфликтом с Римом, который в принципе вполне мог иметь «нормальное» средневековое разрешение – т.е. примирение. Сам король отнюдь не был радикалом и не разделял мнений своих протестантских советников, поэтому многие из католических авторов не усматривал в супрематии окончательного разрыва с католической традицией. Среди исключений был Томас Мор, а также кузен Генриха VIII Реджинальд Пол.

Пол покинул Англию с разрешения Генриха VIII в 1532 г. (причиной его отъезда было резко негативное отношение к разводу короля, который, по мнению Пола, ставил страну на грань династического кризиса). Находясь в эмиграции в Италии, в 1536 г. Пол написал своему кузену трактат «О защите единства церкви». В нем Пол четко противопоставляет предшествующую католическую традицию страны и узурпацию духовной власти (как он именует королевскую супрематию). Во-вторых, на страницах его трактата впервые появляется та интерпретация причин английской Реформации, которая станет обязательной для католических авторов второй половины столетия (хотя здесь она только намечена).

Для Пола, католика-реформатора, сыгравшего впоследствии важную роль в проведении Тридентского собора, решающим оказывался моральный аспект. Очищение церкви напрямую зависело от очищения жизни верующих и прежде всего, клириков и правителей. И наоборот, их грехи вели к грехам более тяжким, грозящим гибелью всему государству и церкви.

Применительно к Англии, речь шла о грехах Генриха – похоти, толкнувшей его к Анне Болейн, а затем – к желанию получить развод. Именно этот грех вкупе с жадностью (стремлением наложить руку на имущество церкви) и стали, по мнению Пола, причиной разрыва с Римом, за которым неминуемо последовала ересь – распространение учения протестантов.

Трактат Пола, изданный в 1555 г., оказал воздействие уже на авторов второй половины столетия, в особенности тех, чья карьера началась при королеве-католичке Марии Тюдор и была прервана позднее приходом к власти Елизаветы. Для них (первого поколения

католической эмиграции) осмысление причин поражения католиков было животрепещущей темой. Авторы, писавшие в 1560–70-е гг. не склонны были искать причины прихода к власти протестантов в недавнем прошлом (за которое они отчасти и сами несли ответственность). Они обращались к правлению Генриха в поисках ответов. Впрочем, и события эпохи Марии не пропадали из поля зрения: с выходом в свет «Книги мучеников» Джона Фокса вопрос об истории английских протестантов надолго привлек к себе внимание полемистов.

Труд Фокса был обращен к широкой аудитории образованных читателей и был призван распространять как новую версию церковной истории, так, отчасти и стоящее за ней новое учение. Естественно, он не мог остаться без ответа с католической стороны.

Первым ответил Фоксу Николас Харпсфилд, католический богослов-полемист. В 1566 г. в Лувене увидели свет его «Шесть диалогов». Это полемический труд; каждый диалог направлен против какого-либо положения англиканского вероучения. Шестой, самый пространственный диалог, «Против псевдомучеников», был обращен против Джона Фокса и его сочинения. В своем диалоге Харпсфилд сформулировал основные пункты католической критики протестантской мартирологии. Обвинение в ереси, согласно мнению всех полемистов, лишало протестантов статуса мученика. Харпсфилд разделял это мнение. Но, в отличие от прочих полемистов, он не удовлетворился его констатацией, а подробно рассмотрел сообщения Фокса о протестантских мучениках, особенно подчеркивая случаи, когда «герои» Фокса обвинялись в государственной измене, или же были просто преступниками. Особенно подробно Харпсфилд останавливался на «мятежниках»: Кранмере, или лоллардах Кобхеме или Эктоне. Здесь построения Фокса были наиболее уязвимы: протестантский автор, зная о резком неприятии королевой Елизаветой всего, что связано с неповиновением монарху, не позволил себе ни одного резкого или осуждающего высказывания в адрес королевы Марии, в правление которой было сожжено более 200 протестантов. А в случаях, когда речь шла об обвинении в государственной измене (как, например, смерть Кранмера), Фокс был весьма осторожен, предпочитая не использовать термин «мученик». Именно по этим «болевым точкам» и бил католический полемист, показывая протестантов как еретиков и мятежников.

Метод работы Харпсфилда напоминал самого Фокса: протестантский автор прославился своими разысканиями в архивах и скрупулезным сбором сведений о первых протестантах. Харпсфилд пошел тем же путем, правда, архивными изысканиями и работой с официальными документами занимались его друзья, находившиеся на свободе. Сведения Харпсфилда относительно деталей тех или иных процессов были настолько точными, что вынудили Фокса впоследствии внести изменения в собственный текст, выкинув оттуда некоторых сомнительных «протестантов».

Труд Харпсфилда задал тон католическим опровержениям версии Фокса. Но поскольку сочинение Фокса не сводится только к календарю, а представляет собой церковную историю Англии, то и ответ на него должен был быть адекватным. Католическая сторона ответила, в первых, обращением к авторитетным авторам, в частности, к Бедде и его «Церковной истории». Чтобы лишить протестантов возможности апеллировать к этому тексту, искажая его, католические эмигранты издали (впервые) английский перевод сочинения Бедды.

Впрочем, издание Бедды было только первым шагом. Уже знакомый нам Харпсфилд провел последние годы жизни в работе над «Английской церковной историей», которая была опубликована в 1622 г. Этот труд охватывает огромный период от становления христианства и до XVI в. По замыслу Харпсфилда его сочинение представляло собой историю реальной английской церкви, а не мифическое преемство членов «истинной церкви» Фокса – еретиков. Отдельный раздел посвящен подробному экскурсу в историю лоллардов (представленных, в полемике с Фоксом, как мятежники).

Сочинения Харпсфилда, написанные на латыни, предназначались для относительно узкого круга образованных читателей (в основном, за пределами Англии), и

не были широко известны (особенно это относится к его «Церковной истории»). Тем не менее, его рукописи, переправленные на континент английскими католиками-эмигрантами, а также материалы по истории правления Генриха и Марии, сыграли большую роль, послужив основой и источником для труда, фактически задавшего тон католической историографии и определившего ее толкование событий XVI в.

Речь идет о сочинении тезки и младшего современника Харпсфилда, иезуита Николаса Сандера «Происхождение и распространение английской схизмы» (написан в 1570-х гг., издан после смерти автора в 1585 г.). Труд Сандера – это подробная история политических событий в Англии, начиная с середины правления Генриха VIII. В качестве введения ей предпослано краткое описание состояния страны (т.е. всеобщего благоденствия) в начале XVI столетия, на момент заключения союза с объединившейся Испанией и брака короля с Екатериной Арагонской.

Главный герой сочинения, как нетрудно догадаться – Генрих VIII. Рисуя его образ, Сандер акцентирует внимание на способностях Генриха: он – ученый человек,ощраивший ученость и способствовавший ее распространению (через финансирование профессорских кафедр в университетах). Речь здесь, конечно же, идет не об учености вообще, а о знании Св. Писания и богословия. Кроме того, Генрих в описании Сандера обладает здравостью суждений и умением подбирать людей (речь опять же идет не о придворных, но о епископах). Таким образом, король Генрих имел все задатки христианского государя – реформатора (в том смысле, какой придавали этому слову католики пост-Тридентской эпохи). Однако выполнению долга правителя и христианина воспрепятствовала неспособность/нежелание Генриха справляться со своими страстями, что использовали в своих интересах его приближенные. Страсти Генриха – похоть (страсть к Анне Болейн) и алчность (стремление получить имущество церкви, и именно они приводят к разрыву с Римом (схизме), а в конечном счете дают возможность распространиться ереси.

Такой образ Генриха вполне созвучен контрреформационным (и в частности, иезуитским) идеям: склонности усматривать причину распространения ереси в греховности общества и его правителей. Для большей убедительности Сандер создает ряд мифов, которым была суждена долгая жизнь в католической историографии XVI–XVII вв. Во-первых, это миф о якобы совершенном Генрихом VIII инцесте. Брак Генриха VIII с Анной Болейн был нарушением канонического права в любом случае, т.к. король ранее состоял в связи со старшей сестрой Анны Марией: это обстоятельство являлось препятствием к браку. Но этого Сандеру показалось недостаточным: для того, чтобы не просто сообщить читателю о греховной страсти короля, но заставить его ужаснуться глубине грехопадения, автор рассказывает о том, что король был любовником не только сестры Анны Марии Болейн, но и ее матери Элизабет (эта сплетня, по всей видимости, основана на совпадении инициалов Элизабет Болейн и настоящей любовницы короля Элизабет Блаунт). От этой связи, по версии Сандера, родилась дочь Анна. Таким образом, король совершает инцест, вступая в брак с собственной дочерью. История введена в текст не только для характеристики самого Генриха: ведь труд Сандера был написан в правление Елизаветы, дочери Анны и Генриха. Читатель сам должен был сделать вывод о том, могло ли от такого кровосмесительного союза родиться что-то хорошее.

Вторым мифом, активно эксплуатировавшимся католическими авторами было сообщение Сандера о том, что Генрих в последние годы жизни якобы стремился к примирению с Римом, но не смог этого сделать по собственной слабости и из-за противодействия своего протестантского окружения.

Грехи и преступления Генриха предопределили судьбу его потомков – раннюю смерть Эдуарда VI, а также и краткость правления католички Марии. Марии Сандер посвящает заключительную книгу своего труда. В ней он живописует триумфальное возрождение католической веры в стране. Здесь Сандер, предельно упрощает политическую ситуацию, изображая Марию иде-

альной католичкой, ведь примирение с Римом произошло отнюдь не так гладко. Он также полностью игнорирует законы против ереси и казни протестантов – они в его тексте вообще не упоминаются (за исключением Крамера, которого казнят за государственную измену). Далее следует рассказ о призвании в Англию кардинала Пола в качестве папского легата и подробный рассказ о том, как легата встречают, и как проходит церемония примирения – покаянные речи от имени обеих палат парламента и т.п. При этом Сандер полностью опускает все детали нелегких переговоров с Римом относительно судьбы бывших монастырских земель. Да и все остальное правление Марии тоже остается за кадром – повествование о ней завершается примирением с Римом. Это и понятно – ведь Сандер писал историю английской схизмы, и примирение с Римом было логическим ее завершением. Королева Мария, «святая женщина», выполнила свой долг правительницы.

Казалось бы, непонятно, как из этого триумфа истинной веры вытекают последующие события, возвращение к протестантизму. Но Сандер дает свое объяснение – Мария и ее действия для англичан слишком хороши, они их просто не заслужили из-за грехов короля Генриха VIII и их собственных предков, которые еще предстояло искупить. Таким искуплением стало мученичество католиков.

«История» Сандера очень быстро стала своего рода стандартной версией английской Реформации в католическом мире. Ее популяризации, помимо переводов, немало способствовали и адаптации. Самыми известными и влиятельными из них стали «Церковная история схизмы в Английском королевстве, опубликованная в 1588г. испанским иезуитом Педро де Рибаданейрой, и вышедшая в 1599г. «История английских гонений», написанная епископом Тарасоны и духовником Филиппа II Диего де Хепесом.

Сандер и его предшественник Харпсфилд, принадлежавшие к старшему поколению елизаветинских католиков, рассматривали недавнее прошлое – правление Марии Тюдор – как идеальное состояние (вернее, возвращение к идеалу), оказавшееся непрочным из-за грехов англичан и их правителей (но не самой Марии). Кроме того, оба они исходили из того, что вплоть до 1530-х гг. в Англии и английской церкви все было в порядке и не требовало исправления, реформирования. Они вообще не оперируют термином «реформация» или «реформа». Это не означает, впрочем, что Сандер и Харпсфилд были чужды дух Католической Реформы. Дело, скорее, в том, что они понимали реформу несколько иначе, подобно тому, как это делал кардинал Пол (несомненный сторонник реформы Католической церкви). Пол в свое время полагал, что распространение ереси (связанное с грехами правителей) среди англичан – не столь уж серьезная проблема, и одного примирения с Римом и возобновления «нормальной» церковной жизни окажется достаточным для того, чтобы с ней справиться. Поэтому его усилия были сосредоточены на реформе клира и в гораздо меньшей степени на полемике с протестантами или проповеди. Главным приоритетом становилось очищение элиты (церковной прежде всего) и подчинение ей остальных (объект наставлений элиты).

Для Сандера и Харпсфилда именно это и имело место при Марии. Соответственно, ее правление почти приобретает статус идеального прошлого. Это верно и для континентальных адаптаций Сандера.

Однако не следует считать, что все английские католики однозначно были склонны идеализировать правление Марии Тюдор. Уже следующее поколение католических полемистов гораздо более скептически относилось к этому периоду. Наиболее показательным (и значимым) автором второго поколения эмигрантов, несомненно, был иезуит Роберт Парсонс, глава Английской миссии своего ордена, блестящий полемист и историк.

Его труды производят несколько обманчивое впечатление. На первый взгляд, Парсонс в своих интерпретациях следовал модели, предложенной Сандером. Это прежде всего относится к его «Трактату о трех обращениях Англии из язычества в истинную веру» (1603–1604 гг.). Трактат представляет собой развернутый католический ответ Джону Фоксу. Этот трехтомный труд состоит

из детальной истории распространения христианства в Англии, за которым следует краткий обзор состояния церкви в последующие столетия, вплоть до XVII в. Два других тома посвящены календарю Фокса.

На первый взгляд, раздел, посвященный событиям XVI в., представляет собой сокращенный пересказ Сандера. Отличия состоят лишь в том, что Парсонс постоянно подчеркивает, что король Генрих, несмотря на разрыв с Римом, по своим взглядам оставался католиком, не допускал никаких нововведений в области вероучения и продолжал преследовать еретиков-протестантов.

Но вот Парсонс обращается к правлению Марии, и начинаются неожиданности. Правлению католической королевы посвящены полторы страницы из шестисот, причем на первой из них речь идет о конфликте вокруг Джейн Грей, а завершается рассказ перечислением назначенных королевой епископов и других духовных лиц, которые впоследствии претерпели гонения при Елизавете. Самой Марии посвящена лишь одна фраза.

Такая неожиданная сухость резко контрастирует с высказываниями Сандера. В чем же причина? В поисках объяснений следует обратиться к другим сочинениям Парсонса, написанным на несколько лет раньше.

Одно из этих сочинений – «История внутренних трудностей в деле английских католиков» (1600 г.) Этот памфлет посвящен конфликтам мирян и клира, а также монахов и секулярного духовенства; век за веком Парсонс проследживает их пагубную роль в истории английской церкви. Говоря об эпохе Марии, Парсонс упоминает конфликты и соперничество среди придворных, связанные с проектом испанского брака, и др., которые, во-первых, задержали прибытие в Англию Пола как папского легата на два года, а во-вторых, помешали правительству наказать многих влиятельных протестантов, которые впоследствии привели к власти принцессу Елизавету и низвергли католическую церковь в Англии.

Однако политическим конфликтами дело не исчерпывалось. Претензии Парсонса к правлению Марии были не столь поверхностными, о чем свидетельствует другое его сочинение – «Записка о реформации Англии» (1596г.). Исходной посылкой, с которой начинаются рассуждения Парсонса, становится его обоснование необходимости реформации в Англии. Правление Марии и его несовершенство выступают здесь в качестве одной из побудительных причин, ведь по мнению Парсонса, именно реформации тогда и не произошло.

Что Парсонс имеет в виду под «реформацией»? Сам он определяет ее не столько как исправление церковной дисциплины, сколько как исправление образа жизни и обычаев людей. Идеалом для Парсонса остается апостольская церковь. Что же касается католической реставрации времен Марии, то она была далека от совершенства: примирение с Римом было поверхностным, без должного покаяния, а ряды английского духовенства не подверглись очищению.

Ошибками было и сохранение в руках мирян бывших монастырских земель. Вместе они способствовали падению престижа духовенства и не устранили конфликтов между ними (причины дальнейших событий). Кроме того, Парсонс полагал ошибкой и то, что при Марии не пытались обратиться в истинную веру протестантов.

Таким образом, в отличие от своих предшественников, Парсонс не был склонен к тому, чтобы рассматривать правление Марии как идеал, погибший из-за грехов предков. Скорее он видел его как шанс, данный англичанам; шанс, которым не смогли воспользоваться.

Различие в подходах не может объясняться исключительно сменой поколений. Сандер и Рибаденейра (будучи, как и Парсонс, иезуитами), в большей степени ориентировались на Тридентскую модель реформирования церкви (связанную с приходом и диоцезами, т.е. существующей церковной иерархией). Парсонс, глава английских иезуитов, работавших вне системы приходо-в, понимал реформирование как «обновление духа» мирян и клириков. Поэтому для него эпоха Марии стала лишь первой, и весьма несовершенной попыткой реформы.

Обрисованные в докладе подходы к истории английской реформации стали определяющими для развития католической историографии XVII–XVIII вв., и даже более поздних периодов. В течение долгого вре-

мени она оставалась исключительно в рамках политической истории, начиная отсчет событий с развода Генриха VIII, и фактически была историей католических мучеников (альтернативой принятой у протестантов версии Фокса). И даже двойственная интерпретация правления Марии Тюдор (с одной стороны, триумф католицизма, с другой – несовершенство реформ) воспроизводилась из книги в книгу, пережив даже конфессиональный этап развития историографии и дожив до последних десятилетий XX в.

Поздравляем!

20 июня 2003 года защитил
докторскую диссертацию

Крючков Игорь Владимирович
(Ставропольское Отделение РОИИ)

на тему: "Славянский фактор в развитии Венгрии в последней трети XIX-начале XX вв.: этно-политические, социальные и внешнеполитические аспекты".

Желаем крепкого здоровья, творческих успехов, и новых побед!

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ВСТУПАЮЩИХ В РОИИ Членство в РОИИ

Анкета

1. Ф.И.О.
2. Дата рождения
3. Адрес (рабочий, домашний), тел., факс, e-mail
4. Место работы
5. Должность
6. Научная степень (когда защищена, по какой специальности)
7. Ученое звание
8. Тема диссертационных исследований
9. Сфера научных интересов
10. Какие курсы Вы читаете и где?
11. Общее количество публикаций, выделите, пожалуйста, наиболее значимые среди них (до 10-ти)
12. В каких научно-исследовательских проектах, посвященных интеллектуальной истории, Вы принимали (принимаете или планируете принять) участие
13. Какой Вам представляется деятельность Российского Общества интеллектуальной истории (исходя из Ваших интересов)?

Просим Вас заполнить анкету и выслать ее в адрес Российского Общества интеллектуальной истории.

Банковские реквизиты:

ОАО Акционерный банк «Международный Банк
Сотрудничества ОРГБАНК»
(ОАО АБ «МБС ОРГБАНК»).

ИНН 7728246549

К/с № 30101810800000000598

БИК 044579598

Р/с:40703810808070000024

Адрес банка: 103718 г. Москва, Славянская пл., д. 2.

Получатель:

МРООСНИПД «Общество интеллектуальной истории»

Членские взносы следует перечислять на банковский счет Общества. Копию платежной квитанции просим Вас выслать в адрес Общества.

В подготовке издания участвовали:

Ответственный редактор: д.и.н. Л.П.Репина

Редактор: к.и.н. М.С.Бобкова

Межрегиональная общественная организация
содействия научно-исследовательской и
преподавательской деятельности
«Общество интеллектуальной истории»

117334 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Институт всеобщей истории РАН,

e-mail: cih@igh.ras.ru; bobkova_marina@list.ru